

Поездка М. Фрейдера в места жительства предков

После первой поездки М. Фрейдера в Косогорку в 2001 г. он написал записки в виде путевого журнала. Эти записки были опубликованы в литературно-публицистическом сборнике «Штетл» Хмельницкого Хеседа, вышедшем в 2003 г., в Санкт-Петербургской газете «Идуд Хасади́м» в 2001–2002 гг., а также были переведены на английский язык и размещены в Интернете (при участии его дочери Евгении). На эту публикацию поступило немало отзывов от читателей. В 2006 г. М. Фрейдер выпустил книгу «Мудрость печали» [12] по истории своей семьи. Отрывки из книги и путевого журнала приведены ниже.

Отрывки из книги «Мудрость печали»

Рано умер отец папы, Мойша, это был его второй брак, вероятно, он был на 15–20 лет старше супруги, папиной мамы, Браны. Наверное, дед похоронен рядом с Фрамполем, на местечковом кладбище, на склоне горы, за местом, где была синагога. Украинская школа, куда ходил папа (она была на расстоянии 4 км), вероятно, располагалась в селе Куявы (сейчас Сосновка). Во время моего короткого приезда в 2001 г. в Косогорку, бывший Фрамполь, следов родственников не удалось найти.

В 1937 году папа уехал работать в Ленинград, ныне Санкт-Петербург. Работал он в Ленинградском жилищно-строительном тресте «Электротехмехконтора», как это следует из его трудовой книжки. В 1940 его призвали в армию, служил он на Дальнем Востоке, на Русском острове около Владивостока, откуда и ушел на фронт в 1942 году. Сведения о военных частях имеются в

его военном билете. На фронте он получил 3 ранения, написано, что легкие, но ранение в спину, под лопатку, было тяжелым: осколок снаряда не смогли извлечь, и отец всю жизнь кашлял. В 1946 году он демобилизовался, но дома во Фрамполе и родных уже не было. Он поселился в Киеве и работал там, а затем его позвал в Челябинск живший там единственный оставшийся в живых родственник, его двоюродный брат Арон Фрейдер, также родом из Фрамполя. Здесь, в Челябинске, папа и познакомился с Марой Шрон, моей мамой, которая жила у бывших соседей Арона — семьи Зямы Шрона, своего старшего брата...

В начале 60-х годов... папа устроился работать в один из цехов треста «Южуралэлектромонтаж»... Видимо, он стремился использовать навыки работы с электропроводкой, полученные до войны в Ленинграде и после войны в Киеве. Отец изготавливал из листовой стали различную электрическую арматуру: шкафы, электрощиты. Железный лист требовалось изгибать на прессе, папа делал и это. Работа была тяжелой физически и, кроме этого, требовала определенной грамотности в чтении чертежей, что ему давалось нелегко. Сказывалось отсутствие образования. В этом цехе отец и проработал около двадцати лет до ухода на пенсию в 1980 г. ...

В 1970—80-е годы папа нередко уезжал в отпуск в Киев к найденному в Киеве другу детства, земляку, Науму (Нусе) Шойхету. Примерно раз в 2—3 года папа навещал в Свердловске переехавшего туда моего дядю Арона Фрейдера...

Будучи на пенсии, отец много болел, страдая гипертонией, заболеваниями сердца (он перенес три инфаркта, во время одного из них его вывели из состояния клинической смерти)... В октябре 1991 г. я подумал, что не видел папу уже дней десять. В тот день выпал первый снег, началась метель, папа вышел погулять. Через короткое время он едва успел забежать в квартиру и последний раз прилечь на кровать...»

Отрывки из путевого журнала о путешествии во Фрамполь (Косогорку)

Дорога к папиному дому

Вступление

Возраст удаляет нас от событий детства, но приближает к родителям. Быть может, чтобы почувствовать их состояние в разные моменты жизни, нужно пройти и часть своего пути. Я начал задумываться о своих корнях всего три года тому назад. Вначале робко, потом все чаще приходила мысль побывать на месте рождения и юности папы, ведь случилось так, что я никогда там не был...

Было известно, что местечка (штетла) Фрамполь, откуда папа, Фрейдер Саня Моисеевич, родом, нет на карте нынешней Хмельницкой (бывшей Каменец-Подольской) области Украины. Было неясно, исчез населенный пункт или переименован, либо осталась часть села, которая и получила другое название. С помощью компьютера удалось найти место его существования и новое название — Косогорка.

В столицу Хмельницкой области город Хмельницкий мы приехали на поезде Москва — Львов. Мы — это я, Михаил Саневич Фрейдер, и моя жена — Лариса Николаевна (Лариса). Мы живем в городе Челябинске (Россия).

Предварительно стоял вопрос языковой, транспортной ориентации в незнакомом месте. Удалось установить связь с организацией, которая возглавляет многие сферы общественной жизни евреев двух областей Украины — Хмельницкой и Тернопольской. Эта организация — Хмельницкий областной благотворительный фонд «Хесед-Бешт». Директор Игорь Ратушный в разговоре по телефону сразу же с готовностью обещал содействовать нашему путешествию по местам жизни предков. Нам предоставили машину с водителем Виталием и сопровождающую, а по сути — гида Людмилу Писклову... Людмила помогала нам во всем — начиная от размещения в гостинице и кончая переводом с украинского языка.

Вторник, 29 мая 2001 года

С детства запомнил чем-то странные названия папиного места рождения: местечко Фрамполь, село Ярмолинцы (Ярмолинецкий район). Казалось, что это далекий, оторванный от всего

мира кусочек земли, где жили одни евреи. В то же самое время местечко казалось большим селением, так как там папа ходил по улицам, долго шел в школу, таскал яблоки из чужого сада, смотрел, как его отец — резник — делал свою работу.

Поселок Ярмолинцы

И вот мы на пути в нынешнюю Косогорку. Вначале заезжаем в Ярмолинцы. Путь лежит по хорошему шоссе с двухрядным движением. По сторонам дороги много зелени: тополя, акации, каштаны. В самих Ярмолинцах, а это поселок городского типа с населением 15—20 тыс. человек, многие дома просто утопают в зелени. Если приглядеться, то видно, что стоит аккуратный дом, чаще кирпичный. Мы заехали к Михаилу Даниловичу Лахтерману, познакомились с ним и его супругой, Клавдией Михайловной. Клавдия Михайловна родом из Ленинграда, уехала на родину Михаила Даниловича, здесь они вырастили сына и дочь, имеют внуков и правнуков. Дети живут недалеко, так что в квартире двери не закрываются: внуки и правнуки, к счастью, не дают скучать бабушке и дедушке. Мы недолго оставались в уютной квартире Лахтерманов (квартира в кирпичном двухэтажном доме на несколько семей), но успели почувствовать мир и согласие в этой семье.

Михаил Данилович родился в 1927 году, ушел из села в 1941 году вместе с советскими войсками, но война опалила и эту семью: заложником был взят его отец и убит во Фрамполе, где не раз бывал и Михаил Данилович. Войну Михаил Данилович с матерью прожил в Бухаре, откуда в 1944 году и был призван на фронт. Войну закончил в Кенигсберге.

Наверное, мы нарушали какие-то планы семьи на этот день, но Михаил Данилович быстро откликнулся на нашу просьбу помочь нам в Косогорке, переоделся, и мы увидели на его пиджаке орденские планки. Михаил Данилович и далее немногословно, но деловито, делал все, чтобы крупницы воспоминаний, ценные для нас, мы смогли услышать от жителей района. Везде чувствовалось, что он авторитетный старожил района, всем знаком, и со всеми у него добрые соседские отношения.

Село Косогорка (Фрамполь)

Детские годы — всегда радостные, даже, если они не очень сытые. Папа не очень много рассказывал о детстве, возможно, не было хороших слушателей. В местечке Фрамполь была еврейская школа, где папа проучился 5 лет, 2 года он учился в украинской школе, я запомнил, что она была не в самом селе. В 1933 году был большой голод, много жителей умирало. Примерно в 1935 году умер папин отец Мойша (мое имя Миша в честь него). Имя папиной мамы, моей бабушки — Брана (мою сестру зовут Бронислава). Она много болела и не могла толком прокормить семью, занимаясь мелкой торговлей. В папиной семье были еще старшая сестра и младший брат.

Расстояние из Хмельницкого до поселка Ярмолинцы — 35 км, мы преодолели за 20 минут. До Косогорки еще 15 км. Шли указатели сел, известные мне по карте — Томашевка, Семеновка, ..., и вдруг появилась надпись большими буквами — КОСОГОРКА, хотя до села еще было 2 км. Мы сфотографировали указатель, а далее и стандартный указатель на въезде в село. Дорога, хоть и не очень круто, шла вверх, оправдывая слово «горка» в названии села.

Мы въехали на гору, и сразу открылась плоская площадка длиной и шириной примерно по 150 м. Площадка практически пустая, если не считать небольших крытых торговых рядов, которые пустовали и, как выяснилось, уже не использовались. В правом углу этой площади находилось одноэтажное здание сельского Совета.

Михаил Данилович сказал, что евреи и жили здесь, в центре села. Я знал, что евреи обычно селились в центре села, но показалось, что места маловато для проживания примерно 800 человек, а столько евреев жило во Фрамполе перед войной. Украинские дома стоят за пределами этой площади на более крутых склонах этой горы. Впрочем, гора действительно косая — есть плоские участки и крутые. Дома сельчан стоят в отдалении друг от друга, сельчане имеют огороды, рядом с домами — куры, гуси, индюки. Дома довольно крепкие, некоторые кирпичные. Везде много зелени. Очень красиво.

В сельсовете мы беседовали с председателем. Он не имел списков о довоенном составе жителей, не знал, когда и почему был переименован Фрамполь в Косогорку. Мы хотели поговорить

со старожилками села, и председатель разрешил пойти с нами секретарю сельсовета Татьяне Брониславовне Гарбуз. Татьяна Брониславовна не смогла назвать год переименования Фрамполя в Косогорку. Она вспомнила, что лет 10 тому назад была попытка переименования Косогорки обратно во Фрамполь. Но молодые жители, у которых в документах была записана Косогорка, были противниками переименования. Она повела нас к своей маме и к другим пожилым людям 1928—30-х годов рождения, которые, возможно, могли бы узнать по фамилии и по фотографии Саню Фрейдера, который бегал здесь по всем тропинкам, но в этот день не смогли: память человеческая несовершенна.

В Косогорке в настоящее время 190 домов, молодые уезжают из села, так как нет работы. Еврейского населения нет. Из еврейских домов остался по сути один — с выпиравшими металлическими балками на уровне окон второго этажа. Очевидно, там раньше был балкон. На этих балках в годы войны фашисты повесили пятерых евреев, пойманных в окрестностях села. Четверо были повешены рядом с этим домом на дереве.

Мы беседовали со старейшиной села Ксенией Григорьевной Полонар (девичья фамилия Лизун), 1909 года рождения. Она не смогла узнать папу по фотографии 1940 года, но много рассказала о совместной жизни евреев и украинцев. Они, хоть и входили в состав разных колхозов — украинского и еврейского, но порой работали в любом из них. Сельчане общались друг с другом, как на украинском языке, так и на идиш. Ксения Григорьевна даже сказала одну фразу на идиш, удивив нас не по возрасту крепкой памятью. Чувствовалось, что до 1941 года здесь были очень дружеские отношения между общинами. Мы сфотографировали одну из старейших жителей села и пожелали ей сохранения бодрости и здоровья. Ксению Григорьевну и всех, с кем мы говорили, мы спрашивали, где убивали евреев. Все говорили о станции Ярмолинцы...

Все рассказы жители села вели на украинском языке, мне раньше казалось, что нам, выходцам из России, будет многое понятно, но оказалось, что не более половины слов были знакомыми. Вступала в беседу и пересказывала нам все Людмила. Когда мы говорили на русском языке, казалось, что и нас понимали с трудом.

Папа очень хорошо учился в школе. Он хорошо разбирался в математике, хорошо знал еврейскую письменность и всю жизнь, хоть и редко, писал письма на идиш. Последние два года семилетки папа учился в украинской школе. Папа помогал украинцам разбираться в математике, те же, в свою очередь, помогали с украинским языком. Из учителей я запомнил фамилию Харламб.

Нам показали довоенное здание еврейской школы, она была рядом с синагогой, здание синагоги не сохранилось. По виду бывшее здание еврейской школы — это одноэтажный барак, сейчас в здании школы располагается сельский клуб. Учителя еврейской школы преподавали также и в украинской школе. Рядом со школой установлен обелиск с фамилиями односельчан, погибших на фронтах Великой Отечественной войны...

Здание украинской школы тоже сохранилось, недавно оно было отремонтировано и будет дальше служить в качестве начальной школы. Из второго здания школы, для старших классов, вышел директор школы Онаприюк Петр Анатольевич. Он рассказал, что в школе 60 учеников. Ученики занимаются послевоенной историей села, довоенных фотографий и списков не сохранилось. Директор показал на груды кирпичей и рассказал, что в этом разрушившемся старом еврейском доме была обнаружена толстая каменная стена с аркой, явно древняя. Я читал, что в центре местечка была квадратная торговая стена, существовавшая с восемнадцатого века, и это было первое, что я пытался увидеть при въезде в село.

Татьяне Брониславовне запомнился директор украинской школы Исаак Иосифович Харламб, который одновременно преподавал немецкий язык. Харламб был и ее учителем. Умер Харламб в 1965 году. Этот человек пережил трагедию, так как во время войны фашистами была поймана и безвинно убита его дочь, прятая в селе. Да и жена его, Софья Цалевна, умерла нестарой в 1955 году. Харламб был директором школы до 1941 и после войны. Он оказал огромное влияние на воспитание детей Фрамполя, а потом — Косогорки. Его могила вместе с могилой жены находится на еврейском кладбище, ее мы увидели позже.

Село Косогорка (Фрамполь), еврейское кладбище

В 1935 году умер мой дедушка Мойша, он был похоронен на кладбище, рядом с местечком. Папа уехал работать в Ленинград в 1937 году. Дома во Фрамполе остались его мама, старшая сестра и младший брат. Я не знаю, приезжал ли папа до 1941 года домой. В 1940 году он был призван служить в армию, служил на Дальнем Востоке, поэтому на войну попал в 1942 году под Калинином. Писем от родных во время войны он не имел.

Бросив последний взгляд на площадь, где были дома местечка Фрамполь, мы направляемся на еврейское кладбище. Оно не могло быть замечено нами при въезде, так как расположено на расстоянии 50 м от указателя села, слева при въезде, на спуске с холма. У начала кладбища стоит памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны. На нем 7 еврейских фамилий, тяжелая плита отломилась и лежит на земле. Памятник поставлен родственниками тех жителей, которых повесили в селе. Одна из фамилий — О. Фрейдер, конечно, это неизвестный мне родственник, так как с фамилией Фрейдер в селе было не менее двух семей, да и фамилия — редкая. Все могилы расположены на территории примерно 1 га. Плит с надписями, вероятно, на иврите, примерно 150—200 штук. Часть плит повалена, часть плит утоплена в земле. Судя по всему, это кладбище двадцатого века, так как число могил примерно соответствует населению местечка на начало века. Прямых следов вандализма мы не заметили. Мы сфотографировали примерно 15 плит, которые не нуждались в сложной подготовке к съемке. Эти плиты мы немного очистили скребком и кистью. Надписи на обратной стороне плит часто отсутствовали. Мы были рядом с могилой моего деда, но читать надгробия никто не умел.

Одна плита с надписью на русском языке — плита на могиле жены Харламба, Софьи Цалевны Харламб (1901—1955 годы). Рядом — неоформленная могила Харламба. Татьяна Брониславовна с нескрываемым чувством вины второй раз высказала сожаление об отсутствии подходящего надгробия.

Кладбище, в целом в неплохом состоянии. К сожалению, мы не поинтересовались, уменьшилось ли число камней во время и после войны, не свезены ли они куда-либо для хозяйственных нужд. На дальней части кладбища — дворовые постройки сельчанина, живущего рядом.

Станция Ярмолинцы, массовое захоронение

Папа участвовал во взятии Бухареста, Будапешта, закончил войну после взятия Вены. Летом 1945 года он возвращался домой. Приехав в село, он узнал, что все его родные безвинно убиты фашистами и похоронены в одной большой яме полуживыми.

Я уже слышал слова «земля шевелилась» и «стояли лужи крови», которые произнес Михаил Данилович. Эти слова слышал и папа. Мы повторили его путь сюда, на территорию воинской части, в 200 м от станции Ярмолинцы. Вначале этот скорбный путь совершили те, которых, как рассказывали в селе, свозили сюда на подводах из Фрамполя, Шаровки и Ярмолинец. Людей помещали в огромную трехэтажную казарму, где они ждали смерти. Это зловещее здание до сих пор смотрит глазами пустых окон на мир. Никто не решился использовать его. Говорят, что оно заминировано, но я думаю дело не в этом. Страшно не только зайти в здание, но и смотреть на него.

После некоторого ожидания подошел офицер. и по его команде солдат открыл ворота для въезда. Территория братского кладбища оказалась огороженной бетонным забором. На мемориальной доске надпись: «Здесь в октябре 1942 года убито 55 тысяч мирных жителей». К главному памятнику — жертве с распростертыми руками ведет стометровая дорожка. За этим памятником — могила, где похоронены расстрелянные военнопленные.

Слева от дорожки, за 30 м до основного памятника расположен памятник погибшим евреям в виде обрубленного дерева жизни. «Прервалась связь времен ...». Справа тоже памятник. Места захоронений оформлены в виде двух холмов-газонов. В этих могилах захоронено 18 тыс. евреев, вся вина которых была лишь в том, что они родились евреями. Среди них — моя бабушка Брана с детьми.

Мемориал поддерживается в хорошем состоянии. Михаил Данилович рассказал, что здесь каждый праздник 9 мая воины и ветераны возлагают венки памяти. Из-за ограниченности во времени у нас не оказалось ни цветов, ни венка. Мы сфотографировали памятники. Невозможно было долго там находиться, но и мысленно уйти оттуда уже не удастся.

Поселок Ярмолинцы, старое еврейское кладбище

Мы поехали также на старое еврейское кладбище Ярмолинец, расположенное в лесу, рядом с дорогой на Кадиевку. Кладбище, основанное в 1910 году, находится в неважном состоянии. Состояние кладбища было улучшено в результате расчистки от растительности, проведенной «Хеседом». Об этом нам рассказала Людмила. Большинство надгробий сломано и повалено. Последние захоронения с надписями на русском языке 1978 года.

Резко выделяется памятник и две могилы американских посланников «Джойнта», убитых в 1920 году. Это профессор Израэль Фридландер (1876 — 10.07.1920) и раввин Бернард Кантор (1892 — 10.07.1920). Из надгробий следует, что они прибыли с миссией помощи евреям, пострадавшим во время гражданской войны. Монумент на могиле был установлен «Джойнтом» в 1923 году и восстановлен в 2001 году фондом «Хесед-Бешт». Большую помощь в восстановлении памятника оказал зять Михаила Даниловича. Я сфотографировал Ларису, Людмилу и отдельно Михаила Даниловича у этой могилы.

Поселок Ярмолинцы, краевед Александр Семенович Снегур

Некоторые жители села и Михаил Данилович вспоминали, что местный районный краевед Александр Семёнович Снегур тоже интересовался убитыми во время войны. Мы заехали в районный Дворец культуры, где у него было рабочее место. Александр Семенович рассказал, что составляет и готовит к публикации списки невинно убитых в годы войны. Узнав, кто мы такие, он показал свои списки. Нашей фамилии там не было. Мы написали имя бабушки для дополнения. Александр Семенович изучает и историю еврейских местечек Ярмолинецкого района. Он дал список этих местечек: Михамполь (Михалполь), Шаровка, Солобковцы, Фрамполь, Ярмолинцы. Мы обещали прислать ему небольшие сведения по истории Фрамполя. Снегур подарил нам книжку по истории Ярмолинец, написанную им. Мы пожелали этому увлеченному человеку успеха в его нелегком труде.

*Саня Моисеевич Фрейдер,
1939 г.*

*Саня Моисеевич Фрейдер,
Челябинск, 1978 г.*

Ида Фрейдер, ок. 1940 г.

*Ида Фрейдер, Каменец-
Подольский, ок. 1940 г.*

Двухэтажный дом в Косогорке, до войны принадлежавший евреям, место казни евреев-заложников, фото ок. 1974 г.

Здание клуба и библиотеки в Косогорке, бывшая еврейская школа, фото 2008 г.

Переписка с краеведом А. С. Снегуром

Как М. Фрейдер уже рассказывал, во время своей первой поездки в Косогорку в 2001 г. он познакомился с Александром Семёновичем Снегуром (1933 г. р.), журналистом и краеведом из районного центра Ярмолинцы. Так случилось, что во время их короткой встречи М. Фрейдер внес в составляемый А. С. Снегуром список убитых в годы войны сельчан из Фрамполя имя своей бабушки, Браны Фрейдер, а Александр Семёнович рассказал о своих планах по участию в подготовке «Книги скорби» с целью увековечивания памяти всех погибших и убитых жителей района. Михаил, со своей стороны, обещал прислать сведения по истории местечка, почерпнутые из мемориальной книги «Каменец-Подольский и его окружение». Так и получилось: Михаил послал текст обещанного отрывка, а также рассказал о сведениях по фрампольским предкам середины XIX века, полученным им из каменецкого архива. В ответ Снегур также поведал о своих исторических находках. Так завязалась переписка, которая продолжалась несколько лет. Выдержки из писем Александра Семёновича и комментарии к ним Михаила приведены ниже.

Снегур (03.07.2001): В Савинцах была еврейская община, которая занимала часть села, называемую ныне Торговицей. Это было связано с тем, что дорога на Ярмолинцы — Проскуров через это село была самой короткой из этих мест. Но, когда была налажена перевозка почты и людей со сменой лошадей, то сложилась дорога через Антоновцы, Ярмолинцы и Фрамполь. В конце XIX века еврейская община уже из Фрамполя вела переговоры с савинецким землевладельцем о продаже ей участка земли между Косогоркой и Савинцами (возле еврейского кладбища). Далее

Фрамполь своим географическим положением вытеснил волостной центр Куявы, ныне Сосновка. Причиной прокладки железной дороги явилось также стремление военного ведомства отодвинуть стратегическую транспортную ветку от Збруча, который в то время являлся границей с Австро-Венгрией. Конечно, если бы Фрамполь остался станцией, то его положение на сегодняшний день было бы куда прочнее, даже после уничтожения еврейского населения.

При исследовании периода ВОВ я наслушался многих трагических историй, которые не забудутся никогда. И очень жаль, что не смог найти всех имен тех, кто погиб осенью 1942 г.

А. С. Снегур планировал продолжить работу по поиску списков, а также предпринять поиски следов моих родственников в списках фрампольцев 1882—1885 гг. в каменецком архиве. Но работе в архиве помешало ухудшение здоровья Александра Семеновича.

Снегур (2001): Большинство жителей, помнивших имена фрампольских евреев, умерли. Поиски довоенных фото в Савинцах и Сосновке ни к чему не привели. Фрампольские дети ходили в школу в Сосновку. Остались люди, которые учились с этими детьми, но фамилию Фрейдер никто не вспомнил. Я просмотрел районную газету с информацией о делах еврейского колхоза, выписал все фамилии, руководителей и рядовых трудящихся, но также — никаких следов, да и не все были стахановцами и новаторами.

Мне тяжело назвать точную цифру численности евреев во Фрамполе до войны, но примерное их число — 1000 человек. В Ярмолинцах в то время было чуть больше 2-х тыс., в Солобковцах — около 2-х тыс., в Шаровке — около 1 тыс.

Александр Семёнович продолжал поиски следов погибших и нашёл списки убитых сельчан. Эти документы составлялись по требованию компетентных органов сразу после освобождения Ярмолинецкого района, как и по всей освобождённой территории СССР. Сведения о злодеяниях фашистов собирались с целью подготовки к Нюрнбергскому суду.

Снегур (24.05.2002): Просмотрел в архиве Хмельницкой области материалы довоенного периода и 1944—46 гг., когда учитывалось, кого убили, а кого ограбили фашисты. Нашел акт — список Фрампольского сельсовета, составленный 5 июня 1944 г.

В числе составителей этого ценного документа были двое евреев: сын Исаака Иосифовича Харламба, Ньюма, и учительница Г. М. Пахтер, по-видимому, родом из Солобковцев, бывшего районного центра. Но в этом списке перечислены лишь фамилии владельцев собственных домов и члены их семей. Всего 85 домовладельцев. В их домах жило много квартирантов, ведь были дома по 300 кв. м, а дом Алтера Пукера — 682 кв. м. Среди мелких домовладельцев упоминается Алтер Фрейдер и его жена Гия. Напоминаю, что фрампольские евреи погибли 30 октября 1942 г. В этом году общественностью района будет отмечена эта скорбная дата. Надеюсь, приедут и родственники погибших.

В других списках погибших фрампольцев нашел имя Сендера Фрейдера. Решением сельисполкома его дом был передан колхозу.

Снегур прислал мне копию найденного списка. Примерно через три года иерусалимский музей Яд-Вашем на своем сайте открыл для доступа базу данных со списками, связанными с Холокостом (Shoa-Related Lists Database). В составе этой базы появился список Экстраординарной Государственной Комиссии по немецко-фашистским злодеяниям, совершённым на Советской территории (Фрамполь, Украина, 05.06.1944). Этот список, в свою очередь, являлся копией списка, хранящегося в государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Список имел небольшие отличия от списка, хранившегося в Хмельницком областном архиве и эти отличия были результатом ручной переписки. Этот список был мною обработан, число жителей, представленных в нём, составило 280 человек (далее — список № 1).

Снегур (25.10.2002): Продолжаю работать над «Книгой скорби». Осталось ее напечатать. В ней около 3700 имён. К сожалению, для публикации приходится добавлять отчество в тех случаях, когда оно отсутствует; годы рождения имеются примерно у 40% жителей. Даже в официальных документах встречаются слова: «около 7-ми лет», «до 10-ти лет» и т. д. Я дал в редакцию местной газеты пять очерков — по одному на каждое местечко Ярмолинецкого района. Высылаю вам газету со статьей о Фрамполе. Статья написана на украинском языке.

Статья была переведена моим другом в Челябинске на русский язык. Автором статьи вместе с Александром Семёновичем выступил и также и его внук, Богдан Лис.

Богдан Лис, староста
краеведческого кружка
районного Дворца школьника,
Александр Снегур, краевед

Последний путь

Давным-давно, может и тысячу лет назад, был проложен путь, который соединил южное Прикарпатье и Буковину с Вольнью. И пролёг он через нынешнюю Косогорку. Этот уголок триста лет назад облюбовали предприимчивые евреи.

Поселение по численности очень быстро разрасталось. Строились постоянные дворы, магазины и магазинчики, ремесленники занялись портняжным делом, переработкой зерна, мяса, масличных культур, изготовлением товаров, которые пользовались широким спросом у сельского населения. Словом, процветал бывший Фрамполь до тех пор, пока не проложили шоссе через Солобововцы и Дунаевцы и дальше на Каменец-Подольский.

Но местечко боролось за право на жизнь. Оно продолжало выполнять роль волостного центра, хотя официально им оставалась Куява (с. Сосновка). Евреи дружили с украинцами и поляками, многих спасли в голодный 1933-й. Местные девушки, чтобы иметь надёжный заработок, нанимались к ним на работу или выполняли определённые поручения. Продолжали действовать многолюдные ярмарки, на которых ведущее место отводилось местным товарам. Конные экипажи продолжали ездить старой Каменецкой дорогой и останавливались здесь для отдыха и обеда.

Но пришли оккупанты — и разрушили привычный ритм жизни. Дороге из Каменца-Подольского в Ярмолинцы суждено было стать дорогой к смерти.

А пока что испуганными глазами смотрели на улицу черноглазые мальчишки и девочки, пренебрегая запретом родителей показываться оккупантам на глаза. Да и взрослые не осмеливались выходить на улицу, чтобы не навлечь беду на свою голову.

Фашисты пришли сами. Местные прихвостни переписывали все оставшиеся семьи. Каждая должна была оплатить определённые средства для потребностей Германии как контрибуцию. Но золото и червонцы имел далеко не каждый. Поэтому накопить необходимую сумму было тяжело. Про это и доложили оккупационным властям.

Чтобы запугать остальных, Ярмолинецкий окружной гебитскоммисар Эмиль Мертес приказал повесить непокорную еврейскую верхушку. И уже на следующий день казнили раввина Нухима, Гилица, Нахмана и Алтера Пукера и еще несколько человек. Кого повесили на балконе, а кого — на деревьях. Было строго приказано мертвых не хоронить. Так и качались тела, а жители местечка шепотом передавали из уст в уста последние слова толстяка Алтера Пукера, который оборвался с веревкой на шее: «Вы даже повесить не можете, а хотите такую большую страну завоевать». Повесили ещё раз, подобрав верёвку потолще.

Украинцы, которые до войны дружили с еврейскими семьями, пытались поддержать людей, загнанных в гетто, продуктами питания, хотя и хорошо знали, что за это можно получить пулю. Иногда удавалось подсунуть взятку полицаяу, чтобы «ничего не видел», а иногда за плечами охранника перебрасывали продукты или сами пролезали на запрещённую территорию.

Более четырёх месяцев фашисты удерживали в гетто доведённых до отчаяния людей. Бабушки, мамы, у которых были малолетние дети, выплакали все слёзы, видя страдания голодных мальчиков и девочек. «Мама, я очень кушать хочу», — ежедневно, даже ежечасно молила детвора о спасении от голодной смерти.

Когда пришла золотая осень 1942-го и осыпала землю своим праздничным убранством, некоторые дети хватали опавшую листву и пытались её есть, чтобы хоть немного утолить голод.

Сельские школьники набирали за пазуху яблок, груш, картошки, свеклы и моркови и бежали к колючей проволоке, чтобы перекинуть всё это в дворы для своих одноклассников и младшеньких. А те — саранчой набрасывались на овощи и фрукты, набивали их в рот, прятали в карманы, а потом исчезали за дверями своих домов или квартир. Чтобы не увидел полицай и не забрал, да ещё, чтобы не побил.

Так и дотянули мученики Холокоста до последней пятнадцатидневки октября. Числа 28-го октября 1942 г. в село съехалось много полицаяев, прибыл отряд из жандармерии. Всем евреям было приказано взять с собой самое ценное, добротную одежду и выходить на улицу. Слабых, пожилых или больных людей выводили младшие. Прощально прозвучала молитва, потому что были слышаны, как по-зверски расправились над их родственниками и знакомыми в Солобковцах, и в других сёлах. Над Косогоркой

(тогда Фрамполь) пронёсся сотнеголосый стон. Всех выгнанных из гетто выстроили в длинную колонну. Больных, калек и старых посадили на подводы. По бокам, спереди и сзади стояли полицаи, фашисты с собаками и автоматами на груди.

Нехотя колонна двинулась Каменецкой дорогой в направлении райцентра. На окраине местечка многие из евреев повернули голову назад, чтобы хотя бы взглядом попрощаться с местечком, в котором выросли, из которого провожали в последний путь своих родителей, дедов и бабушек. Потом перевели взгляд направо — туда, где они нашли вечный покой. И снова слёзы, снова рыдания. А слева и справа сыпались удары винтовок и нагаек. Чтобы не оборачивались, не хныкали, не стонали.

Хоть оккупанты и требовали идти быстрее, колонна не спешила к своей верной смерти. Хотелось почувствовать или увидеть хоть немного чего-то приятного: солнечного тепла, свободный полёт птиц, детский смех из Ясеневки или Нового Села... Не было ничего. Только одна печаль вокруг, как и в их сожженных душах.

Под Томашевкой колонну завернули на территорию железнодорожной станции. Туда, в трёхэтажную казарму, куда свозили и сводили евреев из райцентров, ближних к Ярмолинецкому району, и из отдельных местечек. А тут пулями оборвали всем жизнь...

Несмотря на то, что городок опустел, полицаи ещё несколько дней и ночей дежурили, чтобы выловить тех, кто спрятался или кого спрятали. Из развалин выгоняли огнем винтовок или гранатами. Забирали спрятанных в Сосновке, Савинцах, по другим сёлам. Кого убивали на месте, кого доводили до еврейского кладбища. Не жалели ни своих учителей, ни одноклассников. Штыками кололи детей, чтобы пуля не тратить...

И. И. Харламб, который оставил свою Косогорку только в период оккупации, почти до самой смерти директорствовал в родном городке. Если бы жил до сих пор, рассказал бы очень много. И про то, как отсюда ушли в последний путь его родные, коллеги, просто земляки. Исаак Иосифович, к слову, первым из педагогов Ярмолинеччины заслужил орден Ленина, а до войны — медаль «За трудовую доблесть».

К большому сожалению, в Косогорке разучились уважать память о жертвах фашизма. Памятный знак, установленный на братской могиле, сорванный с места и опрокинутый — свидетель-

ство вандализма. Да и могила И. И. Харламба без присмотра. А ведь есть же школа, сельисполком...

В следующем письме Александр Семёнович рассказал о продолжении бесед в Косогорке об ушедших фрампольцах, пополняя тем самым список убитых для книги, в выпуске которой он принимал участие. Снегур также сообщил, что долгое время ищет книгу «В горниле войны закалённая», изданную в Москве в 1980 г. под редакцией генерала Георгия Федоровича Самойловича, командира 167-й стрелковой дивизии, освобождавшей Ярмолинецкий район в марте 1944 г. Начав поиски этой книги с интернета, я обращался в местные и столичные российские библиотеки, но никто не давал сведений о ней. Мне стало известно, что дивизия формировалась в 1940 г. в городе Балашов Саратовской области.

Связавшись с краеведческим музеем города Балашов, я узнал о бывшем военном С. А. Локтионове, ветеране войны, участнике освобождения Новой Ушицы. Подполковник в отставке Серафим Алексеевич Локтионов проживал в этом городе, являясь почетным гражданином Балашовского района, и выступал в роли исследователя ратного пути и организатора послевоенных встреч ветеранов 167-й стрелковой дивизии.

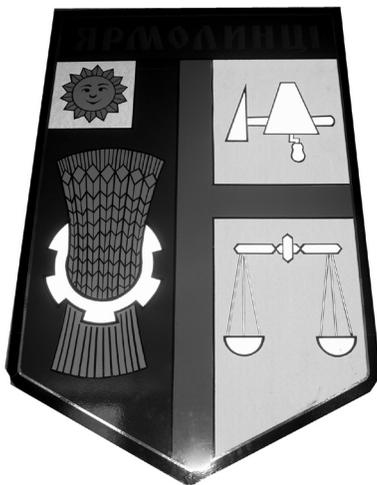
Выяснилось, что из-за огромных потерь в первый год войны, эта дивизия формировалась вторично в декабре 1941 г. в уральском городе Сухой Лог Свердловской области. Серафим Алексеевич дал мне и адреса ветеранов из г. Сухой Лог. Далее началась наша короткая переписка с ветеранами этого города, результатом которой было получение мною копии страниц, посвящённых освобождению Ярмолинецкого района, из интересующей меня и Снегура, книги. Эти страницы я послал Александру Семёновичу.

Снегур (06.07.2003): Ответ Вам — второе письмо за сегодня. Первое письмо я написал женщине с тяжёлым прошлым: в 1943 г. её семью расстреляли немцы за поддержку евреев и хранение оружия. Она одна избежала расправы, затерявшись в толпе людей, которые сбежали на пожар (их дом подожгли) и стрельбу. Она разыскивает документы об этом событии, но утвердительного ответа от властей получить не может.

Относительно Харламба. После смерти он похоронен в Косогорке, дом, где он жил, продан. Два раза ездил в село, пытаюсь

Карта наступления 167 стрелковой дивизии при освобождении Подольи

Герб Ярмолинец

встретиться с женщиной, которая должна о нём рассказать побольше. Она то к детям ездит, то к своим сестрам. В ближайшую субботу снова поеду туда.

Архив в Каменец-Подольском не оправился от пожара. Уцелевшие документы перевезли в Хмельницкий. Для реставрации материалов нужно много времени и средств. Сгорели материалы, относящиеся к губернатору царского времени, где и были сведения о евреях. Пожар тяжело прошёлся по сердцам тех людей, кто работал в архиве и знал его бытовые проблемы: его помещения в полуразрушенных зданиях централизованно не отапливались.

Я просмотрел списки студентов Каменец-Подольских вузов: педагогического и медицинского. Ведь возможно, что сестра Вашего отца проходила в 1940—41 гг. обучение на каких-то курсах, где и сделала фотографию.

Снегур (26.12.2004): Где-то в феврале-марте 2005 г. выйдет «Книга скорби». Обязательно вышлю её Вам. Если захотите опубликовать в интернете имена из этой книги, то это может помочь поиску потомков. Когда работа над книгой начиналась, я не представлял себе, как много времени эта работа потребует. Но я рад, что сохранятся на бумаге имена ушедших людей, а молодое поколение получит возможность увидеть, как много жизней погасло в 1941—45 гг., сколько мук перенесли оставшиеся в живых. Я рад, что мои бесконечные хождения по длинным и коротким улочкам сел района дадут конкретные результаты. Пусть всегда будет жива память о безвинно погибших людях!

Мои отношения с ветеранами г. Сухой Лог имели неожиданное продолжение. Вероятно, и городской совет ветеранов, и работники краеведческого музея почувствовали мой неподдельный интерес к истории 167-й стрелковой дивизии, поэтому через полгода я получил разыскиваемую книгу, а также ещё одну книгу с короткими воспоминаниями бойцов 167-й стр. дивизии о военных эпизодах, которые им запомнились. Обе книги я выслал Александру Семёновичу.

Снегур (28.05.2005): Спасибо за книги, присланные мне. Во время празднования Дня Победы я выступал с рассказами перед солдатами и офицерами воинской части. Как и в прежние годы, перед могилами солдат и мирных жителей на станции Ярмолинцы состоялись торжества с участием фронтовиков, учеников и жителей окрестных сёл. Я говорил о скорби, когда невозможно

поимённо назвать всех убитых осенью 1942 г. Я не знаю, где они лежат, в первой или второй могиле, вот почему кладу цветы на обеих.

Держал в руках сигнальный экземпляр «Книги скорби». Дежных средств для печати всего тиража у областной администрации пока не хватает. Надеюсь на скорое решение вопроса.

Редакционная коллегия этой книги планирует последний том (а наш том — 4-й том «Книги скорби Украины», Хмельницкая область) посвятить воинам, умершим уже в послевоенное время. Книга должна содержать сведения о военных частях и фронтах, на которых они воевали.

Вскоре Александр Семенович выслал мне ожидаемую «Книгу скорби». Я поблагодарил его за щедрый подарок. Далее я провел работу по сверке имен из этой книги с именами из других источников.

Снегур (2005): На праздновании 605-летней годовщины Ярмолинец мне присвоили звание почётного гражданина посёлка, пятым по счёту. Ну что ж, почти пятьдесят лет отданы работе в журналистике.

Вышла книга «Местное самоуправление Хмельничины. Ярмолинецкий район». Хотя среди авторов моей фамилии нет, но приложил немалые усилия к этому изданию, за что авторы и благодарны.

В следующем письме Александр Семёнович, пишет, по-прежнему как бы извиняясь, что он не смог найти следы моих родственников, высказывает целый ряд мыслей, которые тоже вытекают из его результатов многолетней поисковой работы. Снегур также рассказывает о своих внуках, которые тянутся к знаниям. Чувствуется, что он горд их достижениями в учёбе. Рассказывает Александр Семёнович и том, что возраст берёт свое: приходится много лечиться.

Снегур (22.12.2006): Уже после внесения ряда имен в списки убитых, я находил упоминания о том, что они спаслись, потому что их прятали местные жители. После освобождения многие хозяева избегали упоминать об этом. Если бы власти поощряли этот подвиг (а это самый настоящий подвиг), то всё бы прояснилось. А так, до сих пор имена спасителей находятся в полном забвении.

Размышляя о таких фактах, я бы хотел в будущей книге назвать имена сельчан, сохранивших жизнь евреям, преследовав-

шихся фашистами. Но как быть с теми, кто оббирал и выдавал немцам, кто помогал бандеровцам? Это очень серьёзный вопрос.

Как я уже писал, в Косогорке был человек, который составил карту местечка, на которую были нанесены все довоенные дома и приведены имена жителей. К сожалению, бывший секретарь сельсовета передал этот важнейший документ неаккуратному премнику, утерявшему его. Конечно, и местная власть и та, что выше, не стремились восстановить списки убитых. Если в городах восстановить списки было непросто, то в сельской местности это было возможно, поскольку все друг друга знали.

Александр Семёнович сокрушается тем, что я не начал заниматься своими корнями раньше, при жизни отца. Ну что ж, в молодости нет времени об этом подумать. Его мысли о сохранении памяти о благородных людях, спасавших своих земляков-евреев, тесно перекликаются с работой иерусалимского музея «Яд-Вашем» по сохранению имён праведников.

Было ещё несколько писем от А. С. Снегура. В конце 2008 г. я послал Александру Семёновичу свою книгу «Мудрость печали», а затем незадолго до нового, 2009 г., получил от него хорошие отзывы о книге и пожелания здоровья и успехов в поиске следов предков. Александр Семёнович коротко рассказал о своих корнях и о планах написания книги о судьбах людей и событиях времён войны теперь уже и в нашем Ярмолинецком районе.

В 2009 г. мы с Р. Геллером вновь приехали в Косогорку, где выполнили работы на еврейском кладбище. Так получилось, что Александр Семёнович находился на профилактическом лечении в больнице под Хмельницким. Возвращаясь из Косогорки в Хмельницкий для отъезда домой, мы не смогли заехать в больницу, чтобы поблагодарить его за огромные труды в деле сохранения памяти вообще и памяти о наших родственниках также. Мы успели лишь встретиться с его зятем, Анатолием Николаевичем Лисом, который радушно принял нас на рабочем месте, коротко рассказал о работе и семейных делах, а мы поделились своими планами в деле сохранения памяти фрампольчан.

«Книга скорби Украины»

Александр Семенович Снегур после многолетней работы по сбору сведений о погибших мирных жителях района, в которой он участвовал, дождался, наконец, в 2005 г. выхода из печати «Книги скорби» [11] и прислал ее М. Фрейдеру. В ней приведено немало имен фрампольцев, погибших в годы войны.

Авторы использовали эту книгу для справок при составлении объединенного списка погибших. В ней, наряду с фамилиями, собранными из печатных источников и сообщений родственников, представлены фамилии из списка № 1 домохозяев, который имелся у Александра Семеновича.

Имеются там и сведения о бабушке М. Фрейдера Бране Фрейдер, отчество ее неизвестно, оно просто добавлено для публикации. В этой же книге на стр. 278—279 даны сведения о нескольких Фрейдерах. Альтер Моисеевич Фрейдер, один из старейших жителей Фрамполя, явно являлся родственником его отца. Братом его отца мог быть Сендер Фрейдер.

В книге есть также фамилия Марии Соломоновны Дайчман, 1919 г. р., проживавшей в Дунаевцах, как записано в книге. Это родная сестра мамы Р. Геллера, погибшая от рук фашистов вместе с родителями в Ярмолинцах. Р. Геллер провел исследование источника публикации этой фамилии. Ничего конкретного установить пока не удалось. Скорей всего, что место проживания в Дунаевцах указано ошибочно.

Недавно Р. Геллеру удалось разыскать семью уже умершего и известного хмельницкого журналиста Самуила Соломоновича Дайчмана, члена редколлегии «Книги памяти Украины», т. 10, о воинах, погибших на фронте на территории Хмельницкой области. Сам журналист С. С. Дайчман был родом из Дунаевцев,

что недалеко от Фрамполя, и потому встреча с его семьёй, естественно, представляла особый интерес в плане поиска сведений о тётке Романа Геллера Мане Дайчман, жившей вместе с родителями во Фрамполе перед войной и в начале войны.

Встреча в гостеприимном доме семьи Дайчман прошла замечательно. Но, рассмотрев старые довоенные фотографии и вспомнив имена многих дунаевецких родственников этой семьи, все пришли к выводу, что здесь нет никаких родственных связей с названной на стр. 172 в «Книге скорби» Марией Соломоновной Дайчман. Осталось ещё одно предположение. В 1880—90-х годах в Дунаевцах была построена суконная фабрика, которая довольно быстро стала одним из ведущих предприятий этой отрасли не только в регионе, но и на всей территории Украины. Сюда приезжали работать и издалека и, конечно же, жители близлежащих городов и сёл. Может быть, и М. С. Дайчман работала там какое-то время перед войной, и её имя было кем-то найдено в сохранившихся списках работников фабрики? Это ещё предстоит проверить... Жаль, конечно, что в данной «Книге скорби» нет имён родителей Мани Дайчман — дедушки и бабушки Р. Геллера, а также многих других известных нам имён погибших фрампольчан.

Вступление к разделу «Ярмолинецкий район» для «Книги скорби» написал А. С. Снегур. Отрывок этого вступления мы публикуем ниже.

Расстрелянные годы

...Начиная с осени 1941 г., местом для массовых казней становится территория военного гарнизона. Здесь расстреливали коммунистов, офицеров Красной Армии, активистов, евреев, подозреваемых, военнопленных. Поэтому в этой местности много одиночных и групповых могил. Нет, и уже никогда не будет точной цифры, сколько полегло здесь военных и гражданских.

Вспоминает новосельчанка Анна Розыгула: «Одним летним днём мы несли дрова. Набрели на свежевыкопанную яму, над которой кружило вороньё. Подошли и увидели там распухшее на горячем солнце тело убитого с выклеванными глазами. Сбросили с себя хвост и принялись пригоршнями сбрасывать землю на покойника».

С особой жестокостью накинулись гитлеровцы на евреев, которые в Ярмолинском сельсовете составляли подавляющее боль-

шинство жителей. Так, по переписи 1939 года здесь проживало 2015 человек, а среди них евреев — более 90 процентов. По тысяче жителей еврейской национальности было на учёте в Михайловке и Солобковцах, почти по тысяче — в Шаровке и Косогорке.

Вначале евреев согнали в гетто. В Ярмолинцах для этого была выделена территория в несколько гектар, обнесённая колючей проволокой. По другую сторону ходила охрана со злыми овчарками. Входить и выходить из гетто категорически запрещалось. Нарушителей расстреливали или вешали.

Трудоспособных мужчин водили в Томашовку, где те углубляли водохранилище и насыпали плотину для будущей гидроэлектростанции. Их морили голодом, истязали. Наиболее тяжело переносили эти пытки те, кто никогда не держал в руках ни лопаты, ни молотка, ни кайла.

Когда из пруда выпустили воду, в канаве накопилось немало большой рыбы. Охранникам захотелось полакомиться ею. Для ловли использовали молодых евреев. Те гонялись за рыбой, падали в ледяную воду, заочневшими руками пытались схватить вёртких карасей. Полицаи «поощряли» их палками и штыками. Отсюда, со строительства ГЭС и каменного карьера, не все выходили живыми.

Ужаснулись ярмолинчане, когда однажды увидели на деревьях, телефонных столбах и даже на высоких деревьях десять трупов. Как выяснилось, это была месть за убитого в Правдовке немца. Поныне неизвестно, кто его убил, передаются из уст в уста несколько версий. Подозрение пало на Иосифа Сорокатого, который водил немца в поисках ночлега, и переводчика евреев. На него и свалили вину, а вместе с ним повесили ещё 9 ярмолинских обитателей гетто. Вешали, правда, и после этой трагедии. Иногда поодиночке, иногда десятками. Так было и в Косогорке.

И всё же самые густые тучи над жертвами Холокоста нависли в конце октября 1942-го. В назначенный день в Ярмолинцах были подняты на ноги полиция и жандармерия. Прибыло подкрепление из других районов. Каратели и их приспешники с автоматами и винтовками в руках, с собаками на поводках выгоняли евреев на улицу нагайками и прикладами. Взять с собой разрешали самое ценное и самое необходимое. Собранная колонна двигалась улицей Мичурина. По бокам — усиленная охрана. Впереди евреев шкандыбал внешне спокойный Иосиф Анбиндер, известный

всем в райцентре как руководитель духового оркестра. Сотни ярмолинчан провожали взглядом обречённых на смерть... Путь на эшафот пролёг на территорию гарнизонного городка. Отвели для них крайнюю солдатскую казарму. Мужчин — на первый этаж, женщин и детей — на второй, третий. Держали без воды и пищи. В нестерпимых муках минуло двое суток. Группа самых храбрых мужчин во главе с Михаилом Пресом через проём пробралась на свободу. Сюда же кинулись дети. Но не натешились свободой — охрана переловила почти всех. На следующий день обречённые прибегали к самоубийству: кто-то выбрасывал через окно своих детей и сам камнем летел за ними вниз, кто-то набрасывал петлю себе на шею, чтоб не видеть страдания детей. Наложили на себя руки трое медицинских работников, тоже доведённых до отчаяния от увиденного бессилия помочь больным и детям.

Наконец поступило предложение выйти, чтоб напиться. Первыми пошли пятьдесят наиболее обессилевших. Но повели их не к бочке с водой, а к заранее выкопанной яме. Перед казнью приказали раздеваться и по ступенькам спускаться вниз, лечь один возле другого лицом вниз. И тогда прозвучали выстрелы...

Расправа совершилась на глазах тех, кто с третьего этажа смотрел на казнь обречённых, слышал крики и стоны. И взбунтовалась казарма. На одном из балконов взметнулось красное полотнище. Три сестры Фредман вскарабкались на самую крышу. Оттуда старшая из них выкрикнула: «Товарищи шуцманы, поверните своё оружие против немцев. Они бьют сегодня нас, а завтра — вас! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует товарищ Сталин!» И три сестры, как три сорванных цветочка, полетели вниз.

Полиции попытались силой прорваться в середину, чтоб выгнать новую группу евреев. Тогда десятки рук крепко схватили первого из них и разорвали в иступлении. Через окно выкинули только голову и шинель. Затрещали автоматные очереди. Убитыми упали несколько полицейских, ранен помощник начальника полиции.

Напуганные таким ходом событий офицеры запросили подкрепление. Но на штурм казармы не пошли. Только с бронетранспортёра били по окнам. Но никто не выходил. Наконец подвезли к зданию несколько фур соломы и подожгли. Дым пополз в окна и сдавил за горло... Только тогда взбунтовавшиеся сдались.

ФОСМАН Зусь Іцькович, 1912 р., с. Шарівка, єврей, робітник. Розстріляний фашистами 01.10.42. Похов. брат. мог. с. Шарівка.

ФОСМАН Іцик Мойшович, 1938 р., смт Ярмолинці, єврей, дошкільник. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФОСМАН Мойше Борухович, 1917 р., смт Ярмолинці, єврей, шапкар. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФОСМАН Нухим Мойшович, 1880 р., смт Ярмолинці, єврей, фурман. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФОСМАН Олександр Михайлович, 1939 р., смт Ярмолинці, єврей, дошкільник. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФОСМАН Сура Зюзіана, 1919 р., смт Ярмолинці, єврейка, домогосподарка. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФОСМАН Фрейда Ойзерівна, 1883 р., смт Ярмолинці, єврейка, домогосподарка. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРАЙБЕРГ Ейзя Менахович, 1933 р., смт Ярмолинці, єврей, дошкільник. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРАЙБЕРГ Етя Зейдівна, 1908 р., смт Ярмолинці, єврейка, домогосподарка. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРАЙБЕРГ Менах Шулимович, 1904 р., смт Ярмолинці, єврей, робітник. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРАЙБЕРГ Муся Менахівна, 1930 р., смт Ярмолинці, єврейка, учениця. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРАЙБЕРГ Фаня Менахівна, 1928 р., смт Ярмолинці, єврейка, учениця. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРАЙФЕЛЬД Хая Абрамівна, 1910 р., смт Ярмолинці, єврейка, швачка. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРАЙЦОР Григорій Беркович, 1896 р., м. Проскурів, єврей, годинникар. Розстріляний фашистами, гр. 1942 р. Похов. клад. с. Михайлівка.

ФРЕЙДЕР Алтер Мойсейович, 1920 р., с. Косогірка, єврей, робітник. Розстріляний фашистами 30.10.42. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Брана Абрамівна, 1892 р., с. Косогірка, єврейка, торговка. Розстріляна фашистами 30.10.42. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Гя Абрамівна, 1922 р., с. Косогірка, єврейка, робітниця. Розстріляна фашистами 30.10.42. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Григорій Беркович, 1904 р., с. Михайлівка, єврей, службовець. Вбитий поліцаями, гр. 1942 р. Похов. р-н с. Слобідка.

ФРЕЙДЕР Давид Григорович, 1937 р., с. Михайлівка, єврей, дошкільник. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Ель Григорович, 1929 р., с. Михайлівка, єврей, учень. Вбитий поліцаями, лп. 1942 р. Похов. брат. мог. клад. с. Михайлівка.

ФРЕЙДЕР Ель Срульович, 1881 р., смт Ярмолинці, єврей, кустар. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Йосип Юдкович, 1930 р., с. Солобківці, єврей, учень. Розстріляний фашистами 04.08.42. Похов. брат. мог. с. Солобківці.

ФРЕЙДЕР Овнар Беркович, 1889 р., с. Косогірка, єврей, продавець. Повішений поліцаями в 1942 р. Похов. брат. мог. клад. с. Косогірка.

ФРЕЙДЕР Рахіль Зелітівна, 1909 р., смт Ярмолинці, єврейка, селянка. Розстріляна фашистами 04.08.42. Похов. брат. мог. с. Солобківці.

ФРЕЙДЕР Семен Беньович, 1908 р., с. Михайлівка, єврей, продавець. Розстріляний поліцаями, вр. 1941 р. Похов. брат. мог. клад. с. Михайлівка.

ФРЕЙДЕР Сендер Абрамович, 1921 р., с. Косогірка, єврей, швець. Розстріляний фашистами 30.10.42. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Сруль Шльомович, 1904 р., с. Михайлівка, єврей, селянин. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Фроїм Беркович, 1887 р., с. Солобківці, єврей, їздовий. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЙДЕР Хая Шмілівна, 1885 р., смт Ярмолинці, єврейка, домогосподарка. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЛЬФ Галина Федорівна, 1924 р., смт Ярмолинці, єврейка, учениця. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЛЬФ Гела Аронівна, 1904 р., смт Ярмолинці, єврейка, зв'язківець. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЛЬФ Лея Федорівна, 1927 р., смт Ярмолинці, єврейка, учениця. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРЕЛЬФ Федір Мордкович, 1901 р., смт Ярмолинці, єврей, зв'язківець. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРІДМАН Давид Лейзерович, 1919 р., с. Михайлівка, єврей, рахівник. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРІДМАН Інда Шльомівна, 1889 р., с. Михайлівка, єврейка, домогосподарка. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРІДМАН Костянтин Давидович, 1939 р., с. Михайлівка, єврей, дошкільник. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРІДМАН Лея Айзиківна, 1920 р., с. Михайлівка, єврейка, рахівник. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРІДМАН Семен Юхимович, 1895 р., смт Ярмолинці, єврей, продавець. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРІДМАН Сруль Беркович, 1900 р., с. Михайлівка, єврей, службовець. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ФРІДМАН Шая Юхимович, 1906 р., смт Ярмолинці, єврей, кіномеханік. Розстріляний фашистами,

Евреи группами выходили во двор, в последний раз вдыхали свежий воздух и брели к яме сквозь живой коридор охраны. Пробриться сквозь эту стену никто не решался...

А рядом с ямой шириной 7 метров, длиной 35 и глубиной 3 метра, от детей, мужчин и женщин требовали снять всю одежду и спускаться туда, где уже лежала первая группа убитых. Вот так телом к телу... доживали последние секунды. А сверху по доскам ступал изверг и поливал их свинцом...

20 июня 1944 года авторитетная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов распорядилась провести судебно-медицинскую экспертизу на месте казни гражданского населения. В наибольшей братской могиле насчитали 10 слоёв трупов — по 5 в одну сторону и по пять в другую. Через каждые полметра тела убитых перекрывали гудроном. Как вспоминали очевидцы, земля, которая прикрывала последний слой, несколько дней двигалась. Тут похоронено восемь тысяч невинных людей.

Кровавый след оставили немцы и в Солобковцах. До войны еврейская община помогала голодным в 1933-м. В 1942-м солобковчане пытались ответить добром за добро. Но когда убили Арсения Басалюка за укрывание евреев (матери с четырьмя детьми), украинцам стало страшно брать беду на свою семью.

Семья Циммерман жила в Тарасовке. Искренняя на добро, она заслужила общее уважение и любовь односельчан. Когда начали сгонять в Солобковцы всех, кто жил вне райцентра, Цирия спряталась. Её укрытием становились бурьяны, кукуруза, другие места. Но от злого глаза тяжело спрятаться. Поймали девушку, тогда уже студентку пединститута. Когда везли селом на казнь, она кланялась каждому подворью. Как указано на обелиске, сооружённом недалеко от Солобковец на средства детей и внуков убитых, тут приняли смерть около двух тысяч евреев, в том числе семьи Циммерман, Шапиро, Розентуль, Гольденберг, Тесман-Лисенкер, Штерн-Меламуд, Коган. И стала та долина называться Долиной смерти, Бурштами.

Последнее массовое уничтожение евреев было в Шаровке. Местные евреи откупались золотом, другими ценностями. Так и дожили до 4 ноября 1942 года. А в тот день стоял густой туман, за 10 шагов ничего не видно. Полицаи врываются в тесноватые еврейские домишки и выталкивали оттуда всех, кто попадал на глаза. Жертв сгоняли на площадь. Местом для общей могилы

выбрали глубокую яму возле сельского кладбища. Туда приводили группы обречённых. Одних убивали, а другие ждали своей кровавой очереди.

В тот день были казнены свыше 300 евреев села Шаровка и отдельные еврей-беглецы из сёл Зиньков, Михайловка, Правдовка и Сутковцы.

С наименьшей жестокостью накинудись каратели и на подполье. Кого расстреляли на территории железнодорожной станции, кого — в урочище Эвелина, а кого — в староконстантиновской тюрьме.

Фашисты уничтожали не только прямых своих противников. Они расстреливали семьями: Сухих — в Томашовке, Михалиных и Монастырских — в Ярмолинцах, Стеблецких — в Сосновке.

В Соколовке — супруги Кирилл и Мария Марамоны — погибли под пулями карателей одновременно со своими шестью детьми. Самая старшая — 22-летняя Елена Кирилловна — только получила диплом учителя, а самому младшему — Петру — только восемь вёсен прошумело. Кого на пороге свинцом скосили, а кого в хате кровью залили. Спаслись лишь те, которых не было в этот момент в хате или на подворье. Семейная могила Марамонов до сих пор опалает огнём души односельчан.

В тот же день каратели убили ещё одного подростка, который шёл к соседям одолжить тачку для вывоза навоза. Увидев, что усадьбу окружают немцы и полицаи, кинулся удирать. По нему открыли огонь и Пётр Беренда упал мёртвым.

Семья долго колебалась, каким образом сказать тяжёлую правду матери, которую угнали в Германию на работу. Написали. И когда односельчане-остарбайтеры пробежали глазами текст (сама Фёкла Никитовна была неграмотной), обошли эти строчки. Но женщина заподозрила недоброе — и попросила литовку перечитать текст. И тогда гневом взорвалась 57-летняя подолянка: проклинала фашистов, кричала. К утру её не стало у хозяина — убили, как бунтовщицу...

Перевод с украинского — Р. Геллер.

жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ГУЦАЛ Арон Гершович, 1914 р., смт Ярмолинці, єврей, службовець. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ГУЦАЛ Двойра Абрамівна, 1916 р., смт Ярмолинці, єврейка, домогосподарка. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ГУЦАЛ Клара Аронівна, 1939 р., смт Ярмолинці, єврейка, дошкільниця. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ГУЦАЛ Хава Аронівна, 1935 р., смт Ярмолинці, єврейка, дошкільниця. Розстріляна фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ГУЦАЛЮК Ганна Данилівна, 1924 р., с. Лугове, українка, селянка. Примусово вивезена на роботу до Німеччини в 1942 р. Померла від хвороби в 1943 р. Похов. нп Віслінден, Чехія.

ГУЦАЛЮК Олена Василівна, 1924 р., с. Перегінка, українка, селянка. Примусово вивезена на роботу до Німеччини в 1942 р. Померла від важкої праці та виснаження в 1944 р. Похов. р-н м. Прага, Чехія.

Д

ДАВИДОВИЧ Давид Гершович, 1898 р., с. Солобківці, єврей, селянин. Розстріляний фашистами 04.08.42. Похов. брат. мог. с. Солобківці.

ДАВИДОВИЧ Йосип Гершович, 1894 р., с. Солобківці, єврей,

слюсар. Розстріляний фашистами 04.08.42. Похов. брат. мог. с. Солобківці.

ДАВИДОВИЧ Хана Яківна, 1907 р., с. Солобківці, єврейка, домогосподарка. Розстріляна фашистами 04.08.42. Похов. брат. мог. с. Солобківці.

ДАЙЧМАН Марія Соломонівна, 1919 р., м. Дунаївці, єврейка, службівка. Розстріляна фашистами 30.10.42. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ДАЦУН Олена Василівна, 1926 р., с. Соколівка, українка, селянка. Примусово вивезена на роботу до Німеччини в 1942 р. Померла від важкої праці та виснаження в 1944 р. Похов. р-н м. Гамбург, Німеччина.

ДВЯХОВ Павло Станіславович, 1922 р., с. Демівка Вінницької обл., українець, службовець. Помер від виснаження в концтаборі 28.11.41. Похов. клад. с. Іванківці.

ДЕДЕКАЛО Митрофан Васильович, 1918 р., смт Ярмолинці, українець, працівник банку. Вбитий під час бойових дій у 1941 р. Похов. м. Хорол Полтавської обл.

ДЕЙНЕГА Микола Петрович, 1923 р., смт Ярмолинці, українець, швець. Розстріляний гестапівцями за антифашистську агітацію 06.05.43. Похов. м. Старокостянтинів.

ДЕКЕРМАН Мець Давидович, 1899 р., с. Михайлівка, єврей, селянин. Розстріляний фашистами, жт. 1942 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ДЕЛІКАТНИЙ Михайло Сергійович, 1914 р., с. Томашівка, українець, вчитель. Розстріляний фашистами як заручник 26.03.44. Похов. клад. с. Томашівка.

ДЕЛІЅОН Арон Шулимович, 1885 р., смт Ярмолинці, єврей, ганчірник. Розстріляний фашистами,

ЧАЧКА Нуня Лейзерівна, 1923 р., с. Косогірка, єврейка, швачка. Розстріляна фашистами 30.10.42. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ЧАЧКА Рая Лейзерівна, 1926 р., с. Косогірка, єврейка, учениця. Розстріляна фашистами 30.10.42. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ЧАЧКА Яків Абрамович, 1900 р., с. Солобківці, єврей, селянин. Розстріляний фашистами 04.08.42. Похов. брат. мог. с. Солобківці.

ЧЕКАН Антон Миколайович, 1925 р., с. Скаржинці, українець, мільйонер. Загинув під час бойових дій. Похов. клад. м. Івано-Франківськ.

ЧЕКАН Броніслав Миколайович, 1928 р., с. Скаржинці, українець, селянин. Підірвався на міні, тр. 1944 р. Похов. клад. с. Скаржинці.

ЧЕРВІЙОВСЬКИЙ Броніслав Іванович, 1924 р., с. Лисівка, поляк, селянин. Примусово вивезений на роботу до Німеччини в 1942 р. Вбитий під час втечі з концтабору, лсп. 1942 р. Похов. р-н м. Любек, Німеччина.

ЧИЧЕЛЬНИЦЬКИЙ Микола Антонович, 1925 р., с. Солобківці, українець, селянин. Примусово вивезений на роботу до Німеччини в 1942 р. Помер від хвороби в 1945 р. Похов. клад. с. Солобківці.

ЧОРНА Марія Іванівна, 1903 р., с. Сутківці, українка, селянка. Загинула під час бойових дій 26.03.44. Похов. клад. с. Сутківці.

ЧОРНА Марія Карпівна, 1902 р., с. Жилинці, українка, селянка. Примусово вивезена на роботу до Німеччини в 1942 р. Померла від хвороби, бер. 1944 р. Похов. р-н м. Любек, Німеччина.

ЧОРНИЙ Майорко Абрамович, 1899 р., с. Солобківці, єврей, 19. Книга Скорботи України. Том. IV.

робітник. Розстріляний фашистами 04.08.42. Похов. брат. мог. с. Солобківці.

ЧОРНИЙ Мефодій Степанович, 1899 р., с. Томашівка, українець, селянин. Загинув під час бойових дій 09.07.41. Похов. клад. с. Томашівка.

ЧОРНИЙ Марія Ізівна, 1918 р., с. Косогірка, єврейка, вчителька. Розстріляна фашистами в 1943 р. Похов. брат. мог. ст. Ярмолинці.

ЧОРНОДОЛЯ Петро Митрофанович, с. Солобківці, українець, селянин. Загинув під час бойових дій у 1945 р.

ЧУБАТА Песя Данилівна, 1933 р., с. Шарівка, єврейка, учениця. Розстріляна фашистами 01.10.42. Похов. брат. мог. с. Шарівка.

ЧУБАТА Чарна Міхелівна, 1906 р., с. Шарівка, єврейка, селянка. Розстріляна фашистами 01.10.42. Похов. брат. мог. с. Шарівка.

ЧУБАТИЙ Григорій Данилович, 1928 р., с. Шарівка, єврей, учень. Застрелений поліцаями як утікач з гетто, вр. 1942 р. Похов. клад. с. Шарівка.

ЧУБАТИЙ Йосип Данилович, 1930 р., с. Шарівка, єврей, учень. Розстріляний фашистами 01.10.42. Похов. брат. мог. с. Шарівка.

ЧУБАТЮК Григорій Дмитрович, 1912 р., смт Ярмолинці, українець, службовець. Загинув під час авіанальоту 06.07.41. Похов. клад. смт Ярмолинці.

Ш

ШАЄВИЧ Бень Аронович, 1893 р., с. Солобківці, єврей, слюсар. Розстріляний фашистами

*Копія сторінки в «Книжці скорботи України»
с іменем Черний Марія Ісааковна, дочки І.І. Харламба*

Поиски потомков

После своего путешествия в Косогорку в 2001 г. М. Фрейдер продолжал поиски следов своих родственников, как при содействии А. С. Снегура, так и самостоятельно. При этом Михаил искал не только выходцев из Фрамполя, но и их потомков, оставшихся в живых или родившихся в послевоенное время. Так, было написано письмо Бонни Шулер Сон (Bonnie Schooler Sohn), которая в 1999 г. перевела книгу «Каменец-Подольск и его окружение» с иврита на английский язык. Рассказ о Фрамполе из этого издания в переводе на русский язык был уже изложен нами в этой книге. Оказалось, что Бонни родилась в 1936 г. в США и никаких выходцев из бывшей Каменец-Подольской области она не знает. В любом случае ее работа по переводу вызывает не только уважение, но и восхищение: в память о своих предках она перевела внушительную книгу, сделав ее достоянием всех живых потомков, владеющих английским языком.

Все это время М. Фрейдер искал также потомков И. И. Харламба, внесшего неоценимый вклад в дело обучения фрампольцев, а затем — и жителей Косогорки (нескольких довоенных и послевоенных поколений).

Была надежда, что его потомки могут сообщить факты жизни этого человека, его семьи. Дело в том, что в истории этой семьи преломилась трагическая история всех жителей Фрамполя, нашей прародины. Когда отец М. Фрейдера вспоминал свое детство, всегда речь шла и об Исааке Иосифовиче Харламбе...

Продолжая поиски, Михаил обратился к листам свидетельских показаний иерусалимского музея Яд-Вашем. Примерно в 2006 г. эти листы, собираемые музеем в течение многих послевоенных лет, были введены в компьютерную базу данных, и к

ним был открыт удаленный прямой доступ. Михаил начал просматривать записи этой базы по Фрамполю. Их оказалось не очень много: чуть больше пятидесяти. Среди них Михаил увидел и лист своей бабушки Браны, ранее им посланный. Часть листов была заполнена авторами на иврите, на идише, что мешало легко найти сведения о жертве и об авторе свидетельского листа. Часть листов была заполнена в 1950-х, что не давало шансов найти автора. Так, один из авторов, Моше Цвибак, отозвался на телефонный звонок Михаила во время его пребывания в 2007 г. в Израиле. Оказалось, что М. Цвибак побывал во Фрамполе у своих родственников Пукеров в 1939—40 гг., будучи еще мальчиком. Он запомнил их имена, что дало ему право заполнить листы свидетельских показаний. Некоторые люди, к которым Михаил обращался, вообще не хотели говорить на темы войны и жертв.

Целая группа листов свидетельских показаний принадлежала Роману Геллеру. Эти листы были заполнены им в 1991 году. Листы привлекли внимание Михаила аккуратностью заполнения, публикацией фото погибших дедушки, бабушки, тети Романа, а также рисунком какого-то памятника и ссылкой на главу из «Черной книги» В. Гроссмана и И. Эренбурга, ему знакомой, в приложенном к листам документе. С помощью интернета Михаилу удалось связаться с дочерью Романа Юлией, которая сообщила номер телефона Романа. А вскоре Роман сам позвонил Михаилу в Челябинск. Так состоялось наше заочное знакомство.

Помимо листов свидетельских показаний, Роман послал в Яд-Вашем список из примерно 60-ти семей, число членов этих семей — около 150 человек. Но этот список так и не был опубликован ни в полном виде, ни в виде листов свидетельских показаний.

Впервые Роман Геллер побывал на родине своих предков по линии мамы, в Косогорке, в 1995 г. Тогда он познакомился с одним из старейших жителей Косогорки Владимиром Демьяновичем Бойчаком (1913—1998), выслушал его рассказы, а также, получил от Бойчака схему местечка и адрес его дочери Лукьяненко Нины Владимировны, проживающей в Киеве. В 2008 г. Роман несколько раз встречался с дочерью Бойчака и получил от нее копии довоенных и послевоенных фотографий учеников и учителей фрампольской, позднее косогорской, школы.

В июле 2008 г. Роман приезжал в Челябинск. При встрече мы ближе познакомились, обменялись материалами, связанными с нашей общей прародиной, а также составили план наших последующих действий по поиску потомков и документов. Тогда же мы рассмотрели и обсудили копию списка погибших жителей местечка, в свое время переписанных Романом в семье Кецельман в Пушкино. Этот список и был послан Романом в Иерусалим, о чем писалось выше. Подобная версия этого же списка также была передана в Иерусалимский музей Яд-Вашем дочерью Семена Лейбмана Нелей Фукс (далее — список № 2).

Поиски продолжались. В помощь нам подключился Игорь Кецельман из г. Пушкино Московской области, который прислал нам печатную версию этого же списка погибших, а также карту местечка и несколько очерков, подготовленных в 1970-х годах Александром Лейбманом. Тогда же Игорь Кецельман прислал нам и статью Шевы Нухимовны (Евгении Наумовны) Николаевской, дочери фрампольского раввина, написанную и опубликованную в израильской газете.

В конце 2008 г. Роман Геллер совершил своё второе путешествие в Косогорку, встретился с Татьяной Брониславовной Гарбуз, председателем сельской администрации Косогорки, с библиотекарем села Машей Боднар, а также в Ярмолинцах с А. С. Снегуром, который уже несколько раз нами упоминался.

Очередной приезд в Косогорку Роман осуществил в начале 2009 года. Тогда он подарил несколько десятков книг сельской библиотеке и узнал адресные данные потомков И. И. Харламба. Оказалось, что в рядом расположенном селе Савинцы, где проживал с семьей сын Исаака Иосифовича Наум, недавно скончалась жена Наума Клавдия Коваль, а теперь в доме бывают дочь Наума Исааковича Мальвина Наумовна и члены ее семьи. Они постоянно проживают в г. Хмельницком.

Установление связи с этой семьей позволило задуматься о поездке в Косогорку для восстановления памятника заложникам Фрамполя и для приведения в порядок старого еврейского кладбища. Эту поездку мы совершили в конце мая 2009 г.

YAD VASHEM

The Holocaust Martyrs' and Heroes' Remembrance Authority

יד ושם

שות הויכרת לשואה ולגבורה

Hall of Names

היכל השמות

Page of Testimony עד עד

Page of Testimony for commemoration of the Jews who perished during the Holocaust; please fill in a separate form for each victim, in block letters.

The Martyrs' and Heroes' Remembrance Law 5713-1953 determines in section 2 that: "The task of Yad Vashem is to gather into the homeland material regarding all those members of the Jewish people who laid down their lives, who fought and rebelled against the Nazi enemy and his collaborators, and to perpetuate their names and those of the communities, organizations and institutions which were destroyed because they were Jewish."

Victim's photo Please write victim's name on back. Do not glue	Victim's family name: FREIDER		Maiden name:	
	First name (also nickname): BRANA		Previous/other family name:	
	Title:	Gender: M F	Date of birth:	Approx. age at death: 45
Place of birth:		Region:	Country: RUSSIA	Nationality: JEW
Permanent residence: FRAMPOL		Region: KAMENETS-PODOLSKIY	Country: USSR	
Residence before deportation: FRAMPOL		Region: KAMENETS-PODOLSKIY	Country: USSR	
Victim's father's family name:		First name:		
Victim's mother's name:		Maiden name:		
Victim's spouse:		Maiden name:	Family status: MARRIED	No. of children: 2
Member of org./movement:		Place of work: FRAMPOL	Profession:	
Places, events and activities during the war (prison / deportation / ghetto / camp / death march / hiding / escape / resistance / combat): GHETTO				
Date of death: 1942 28 OCTOBER	Country: USSR	Region: KAMENETS-PODOLSKIY	Place of death: YARMOLINITSKY	
Circumstances of death: PODOLSKIY				
I, the undersigned, hereby declare that this testimony is correct to the best of my knowledge.				
First name: MIKHAIL	Family name: FREIDER		Previous/other family name: FREIDER	
Street: SHENKURSKAYA	House no.: 11-136	City: CHELYABINSK	State/zip code: 454084	
Country: RUSSIA	Tel: (3512)35-4231	I am not a survivor: ☐		Relationship to the victim (family/other): GRANDCHILD
During the war I was in a camp / ghetto / forest / the resistance / in hiding / had false papers (circle relevant options)				

100526

Date: **10 AUGUST 2001** Place: **CHELYABINSK** Signature:

...And I shall give them in My house and within My walls a memorial and a name... that shall not be cut off

YVA 56-5

Лист свидетельских показаний Браны Фрейдер,
заполненный М. Фрейдером

2075215

יָד בַּאֲשֶׁר**דאָפֿ-אַד דאָן****יָד וְשֵׁם**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ХОЛОКАУСТА И ГЕРОИЗМА,
ИЕРУСАЛИМ, ИЗРАИЛЬ.ЛИСТ
СВИДЕТЕЛЬСКИХ
ПОКАЗАНИЙП.я. 3477
ИЕРУСАЛИМ ИЗРАИЛЬ

<p>— תוקף תכין לתיק התביעה מאז 1953 קובע בפנים ס' 2: התקנה של ידי ושם יד ושם אם הכוללת את זכרם של כל אלה שבני הקהילה הישראלית, השוכנת או נשבעה לזכרם ולשם שם זכרם וזכרם, ולשם לזכרם ולשם זכרם בכל ההזדמנויות לכן חתומי. (ס' 200 תעודת ס' 132 מאז 1953 ת"ש 28.8.53)</p>		<p>ЗАКОН ОБ УВНОКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ЖЕРТВ НАЦИЗМА И ГЕРОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ — ЯД ВАШЕМ ОТ 1953 — 5713 ГОДА устанавливает во втором параграфе задачей ЯД ВАШЕМ является собирание документов и увековечение на Родине памяти всех евреев, которые погибли, пали жертвами в борьбе сопротивления против нацистского врага и его пособников, а также увековечить память общин, организаций и учреждений, уничтоженных потому, что они были еврейскими.</p>	
<p>1. שם המשפחה * דאָיטשמן</p>		<p>2. שם הפרטי (שם לפני הנישואין) שְׁלֵמָה</p>	
<p>3. תאריך הלידה 1879</p>		<p>4. מקום הלידה (עיר, מדינה) פֿראַמפּאָל, סֶסֶר-רוֹסס</p>	
<p>5. שם האב בּוֹרִיס</p>		<p>6. שם האם עֵנְטָה</p>	
<p>7. שם בן / בת הזוג (שם משפחה לפני הנישואין) פֿעסַיָה קאַפּאַן</p>		<p>8. מקצוע פּוֹרְטְנִי</p>	
<p>9. מקום מגורים לפני המלחמה (עיר, מדינה) פֿראַמפּאָל, סֶסֶר-רוֹסס</p>		<p>10. מקום מגורים במלחמה (עיר, מדינה) פֿראַמפּאָל, סֶסֶר-רוֹסס</p>	
<p>11. סיבות המוות נִסְפָּה בְּיַד פֿאַשִׁיסְטִים כַּקַּזֶּנֶן</p>		<p>12. מקום וזמן מות פֿראַמפּאָל, 10.10.1942</p>	
<p>אני הח"ם אֶלְדֶּר רוֹנִין</p>		<p>אני, הנכסדפּוּסאַוּוּיַס (אָס) גֶלְלֶר רֹמאַן</p>	
<p>הגרה ב (כתובת לאה) _____</p>		<p>הגרה ב (כתובת לאה) _____</p>	
<p>קירבה (משפחתי או אחר) _____</p>		<p>קירבה (משפחתי או אחר) אַדאַוּשְׁקאַ</p>	
<p>При этом заявляю, что изложенные показания являются правдивыми и соответствуют известным мне данным. מצהירה בזה כי עדות זו נכונה לפי מיטב ידיעותי. חתימה: אֶלְדֶּר רוֹנִין Подпись: _____ מקום ותאריך קי"ב, 5751 15.02.1991 קיב, 5751</p>			
<p>.. ונתתי להם בביתי ובחומותי יד ושם... אשר לא יכוחו! ..IM DAM Y IN DOME MOEM И В СТЕНАХ МОИХ ПАМЯТЬ И ИМЯ... КОТОРЫЕ НЕ ИЗГЛЯДЯТСЯ! ישראל 55, 5</p>			

* Пишите, пожалуйста, имя каждого погибшего на отдельном листе
* נא לרשום את שמם של כל נספה על דף נפרד.

206119

Лист свидетельских показаний Шлема Дайчмана,
заполненный Р. Геллером

Первая поездка Р. Геллера в Ярмолинцы и Косогорку. Воспоминания В. Д. Бойчака

Впервые я совершил поездку в Ярмолинцы и Косогорку в начале лета 1995 г., в год 50-летия Великой Победы. Главной целью поездки было посещение мемориального комплекса на месте массовых расстрелов евреев осенью 1942 г. Там тогда погибли и мои родные: дедушка, бабушка и мамина сестра. Каменец-Подольский поезд из Киева прибывает на ст. Ярмолинцы около 7 утра. Было ещё очень рано, дождался автобуса и поехал в город на рынок, чтобы купить цветы. Затем вернулся обратно на станцию. Дело в том, что мемориальный комплекс находится недалеко от станции на территории ещё до войны существовавшей воинской части. В 9 утра я подошёл к проходной, назвался, объяснил причину посещения. В сопровождении двух солдат я пошёл к мемориалу. Первым делом подошёл к памятнику погибшим 18 тысячам евреям, свезённым на территорию части из окрестных местечек. Этот памятник в виде обрубленного дерева ещё в 1947 году поставили за свой счёт земляки — некоторые из родственников погибших. Раньше этот памятник я знал только по фотографиям. Поставил цветы, поклонился, постоял, помолчал. Обошёл весь мемориальный комплекс с братскими могилами. И, хотя меня никто не торопил, надо было выходить с территории части. На проходной разговорился с дежурным, рассказал, кто из моих родных здесь погиб. Дежурный мне и говорит, что в части работает сторожем один человек, который был свидетелем тех страшных событий и смог бы мне кое-что рассказать. И вдруг показывает: «А вон он идёт!». Подходит пожилой мужчина, зна-

комимся, к сожалению, имени его я не запомнил. И он мне рассказал, как, будучи тогда 10-летним мальчишкой, собирал в поле мёрзлую свёклу и бросал её через забор на территорию части, чтоб обречённые могли хоть что-то поесть. Потом он рассказал, как проводились расстрелы: раздетых догола людей заставляли ложиться в ров, через который была переброшена доска. По доске ходил немец и беспорядочно стрелял по лежащим людям. Многие погибали не сразу, оставались живы и ещё долго мучались, так как были только ранены. Поэтому, видимо, не случайно, в рассказах многих людей после войны звучала одна и та же тема: ещё много дней шевелилась земля над погибшими и слышны были стоны умирающих. Этот рассказ только подтвердил уже известные обстоятельства гибели тысяч невинных людей...

Было ещё довольно рано, начало одиннадцатого утра, поезд на Киев уходил в половине девятого вечера, и я подумал, а не съездить ли мне в Косогорку, в бывшее местечко Фрамполь, откуда родом мои родные. Еду на автостанцию в Ярмолинцы, становлюсь в очередь за билетом. Передо мной стоит высокий пожилой мужчина без руки. Слышу, он спрашивает билет на Косогорку, берёт билет и выходит на платформу. Я тоже взял билет, выхожу, вижу этого человека. Почему-то я сразу решил, что этот человек из Косогорки. Подхожу к нему, спрашиваю: «Извините, а Вы в Косогорке давно живёте?» Отвечает: «60 лет хватит?» Говорю: «Хватит». В свою очередь, и он поинтересовался, кто я такой. Объясняю, что мама моя оттуда родом и все родственники по маминой линии. Тогда он и спросил: «А как фамилия?» Говорю: «Дайчман». И его ответ меня поразил сразу же: «А-а, Маня Дайчман, я её знаю!» Это было для меня абсолютно неожиданно — случайная встреча и такая удача! Ведь Маня Дайчман — погибшая родная сестра моей мамы. Так я познакомился с жителем Косогорки Владимиром Демьяновичем Бойчаком (1913—1998). Ехать до Косогорки всего 15 км, около получаса на стареньком ПАЗике по разбитой тогда ещё дороге. Я тут же достаю имевшийся у меня список погибших жителей тогдашнего Фрамполя и стал, как мог в этих условиях, записывать за Владимиром Демьяновичем его рассказ о тех, кого он помнил — сначала пока ждали автобус, потом уже в самом автобусе.

Продолжилась беседа уже в доме Бойчака, куда он меня пригласил, и где нас приветливо встретила его жена Татьяна Николаевна Захаревич (1919—2000). Тут же был накрыт стол, пообедать

ли и продолжили нашу беседу. Тогда я узнал немало интересных фактов о безвременно ушедших жителях села в период военной оккупации 1941 – 1943 гг.

Жена В. Д. Бойчака Т. Н. Захаревич до войны работала в школе учителем. Это она впервые мне показала некоторые старые довоенные и первые послевоенные фотографии учеников и учителей фрампольской школы.

Со слов В. Д. Бойчака, до войны он работал в сельсовете Фрамполя. Когда началась война, он лично отвез на подводе весь архив сельсовета и архив местного ЗАГСа в Ярмолинцы. Когда пришли немцы, он скрывался в течение двух лет, затем ушел на фронт, где и потерял руку...

Дочь Бойчака Нина Владимировна Лукьяненко уже тогда проживала с семьёй в Киеве. А когда мы познакомились с Михаилом Фрейдером то первым делом решили, что необходима встреча с Ниной Владимировной для того, чтобы посмотреть сохранившиеся фотографии.

Впервые я встретился Ниной Владимировной только летом 2008 г., предварительно, еще в начале года, созвонившись, и от неё я узнал, что моих гостеприимных хозяев уже нет в живых: родители Нины Владимировны ушли из жизни, как это часто бывает, с разницей всего в два года — Владимир Демьянович в 1998 г., а Татьяна Николаевна в 2000 г.

Второй раз я встречался с Ниной и её сыном в январе 2009 г. и за эти два раза мне удалось скопировать несколько очень интересных старых фотографий, любезно предоставленных Ниной Владимировной.

Все, что вспомнил о нелегкой и трагической судьбе жителей Фрамполя В. Д. Бойчак, сведено в нижеприведенную таблицу.

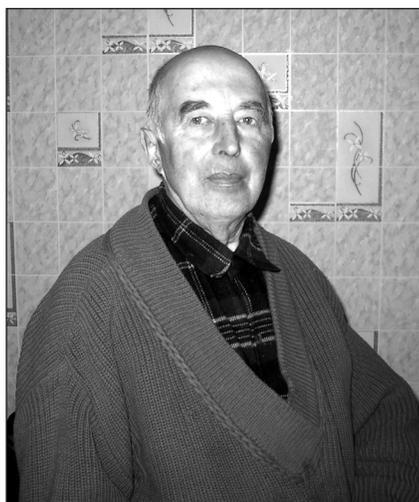
Фамилия	Сведения
Альтшулер Яков Самойлович	Зав. лесоторговым складом на ст. Дунаевцы. Прятался в погребе, его нашли шуцманы и привели в управление полиции, жену посадили на сани, а он не влез, его ударили и он сел на другие сани отдельно от жены, его жена — Цюпа, имя погибшей дочери Двойра, 1927 г. р.

Бедный Волько	Портной
Блекхер (Блейхер) Пинхас	Портной, вместе с ним погибли дочь Роза, муж дочери и их дети.
Бронштейн Яков Шлёмович	1918 г.р., сын Шлёмы и Ривы, работал в школе пионервожатым. Взяли в с. Соколовка — погнали туда копать пруд (укр. — став). Погиб тоже в Ярмолинцах.
Будман Хаим	Шил фуражки (укр. — кашкети).
Вайнблат Бенямин Гершкович	Заведующий буфетом.
Галендер Хаим	Погибли жена, две дочери, ребенок одной из дочерей. Старшую дочь звали Фаня, её муж, военный, приезжал в Косогорку после войны.
Гилис Мойсей Яковлевич	1913 г. р., учитель истории средней школы.
Гилис Мотя Меерович	Отец Мойсея, глава семьи из 2-этажного дома, Пейрл-его жена, сын Мойше — 1908 г. р., сын Исаак — 1911 г. р.
Готлойб Лазарь (Лейзер) Ицкович	Спрятались с женой в погребе, их обнаружили. Тогда Готлойб нашёл бутылку вина, налил и сказал шуцманам: «За ваше здоровье и за мою смерть».
Дайчман Шлема Беркович	Портной, жена Песя Берковна — домохозяйка, дочь Маня Соломоновна, 1920 г. р.
Демб Шейва (Женя)	По мужу — Бабаева (он из Туркмении), учительница немецкого языка. в средней школе Фрамполя. Погибла с ребёнком.
Кецельман Ехил Яковлевич	Домашний портной
Кецельман Йосиф Ехилович	Был женат на сестре Гилиса Мойсея Яковлевича, учителя истории.
Лейбман	Погиб с семьей, работал паворозником (укр.): шил упряжь.

Ойрик Хая Самойловна	Соседи Дайчманов
Патишман Исаак (Изько) Йосифович	Кузнец
Пахтер Вевик Алтерович	1904 г. р., был призван в армию ещё до войны
Розенталь Мойсей (Мошко) Меерович	Родные жили в Пушкино, дочь Ева, учительница, во Фрамполе не жила, осталась живой. Сын Меер погиб на фронте, был еще младший сын.
Сас Моха	Дочь жила в Новгороде, приезжала в Косогорку.
Ходачник Семен (Сёма) Ицкович	1913 г. р., ст. лейтенант, юрист. При отступлении ехал через Городок, зашёл к сестре, она его уговорила остаться, во Фрамполь приходил тайно. Потом вернулся в Городок, и когда жителей Городка уводили на расстрел (жителей Городка расстреляли в с. Купен), он застрелился.
Ходачник Янкель Ицкович	Старший брат, был женат, детей не было, погиб вместе с женой.
Ходачник Иосиф Ицкович	Младший брат, погиб с семьёй.

*Владимир Демьянович Бойчак,
1980-е гг.*

*Александр Семенович Снегур,
2008 г.*

*Михаил Александрович Комарницкий
с супругой Зиной Андреевной, 2008 г.*

Новые встречи Р. Геллера на земле предков

Перед выездом из Киева я созвнился с Ниной Лукьяненко, дочерью В. Д. Бойчака. Составить компанию в поездке она не смогла, так как работает, спросил её, как найти Т. Б. Гарбуз, о которой мне говорил Михаил Фрейдер, она ответила, что Татьяна Брониславовна — уже не секретарь, а председатель сельсовета, который находится в соседнем селе Сосновка. Оказалось, что и эти сведения устаревшие — для сельсовета сняли помещение в самой Косогорке, и теперь сельсовет — там. Кроме того, дочь Бойчака сказала, что Татьяна Брониславовна — её одноклассница и даже родственница (я не уточнял каким образом родство).

После этого купил билет на 11.11.2008. Прибыл в Ярмолинцы рано утром — темно и очень холодно. Решил навестить могилы и памятник в мемориале на территории воинской части, что неподалёку от станции. Посидел немного в одиночестве в полумраке зала ожидания, решил после семи часов поехать в посёлок на базар за цветами, к тому времени уже рассвело. Вышел возле базара, нашёл место, где торгуют цветами, но в тот холодный день живых цветов не было, а искусственные — не люблю. Смотрю, у продавщицы на прилавке стоит букет живых хризантем, такой, незатейливый. Спрашиваю, говорит, что это ей подарили. Вот и продайте мне, прошу. Купил я этот букет, потом ещё долго ждал автобус — поехал назад. Сразу же пошёл в часть — дежурный пускать никак не хочет, откуда, да кто такой, да не положено, да у нас проверка и т. п. Я объяснил, что, когда сам офицером в авиации служил, тоже бывал дежурным по части и знаю, как такой вопрос решать: надо звонить командиру. Позвонил: «Тут чоловік приїхав, до меморіалу хоче квіти покласти» (цветы поло-

жить). Короче, командир разрешил, дали пропуск, сопровождающего. Там находился потом сам. Положил цветы у памятника, посидел на скамеечке, вспоминая безвинно погибших своих родных и всех их земляков, сделал штук 15 фотографий. Впереди было ещё много дел, надо было уходить.

Снова пошел к автобусу на Ярмолинцы — искать А. С. Снегура. Приехал в центр, где ул. Пархоменко толком люди не знают, да и Снегура уже далеко не все там знают. Смотрю — административное здание, пошёл туда. Там внутри — одну половину занимает администрация района, другую — райсовет. Заметил на 1-м этаже вывеску «Общественная приёмная», «Совет ветеранов» — захожу. За столом — пожилой человек, говорю, что ищу Снегура. «А что его искать, — поднимайся на 3-й этаж, найди кабинет с табличкой Анатолий Николаевич Лис, это зять Снегура, он и расскажет», — отвечает. Поднимаюсь, табличку нашёл, дверь заперта. Рядом — приёмная (зять — управделами районного совета), захожу, спрашиваю про Лиса. Ответ: «А у нас сегодня сессия райсовета, он — там». Но секретарь спустилась со мной к залу заседаний и вызвала Анатолия Николаевича с заседания.

Выходит очень милый молодой человек, улыбается, жмёт руку, говорит: «Я вас знаю», — «Откуда?», — отвечаю, «... ведь я тут второй раз после 13 лет и мы не были знакомы», «...Значит, слышал о вас!». Я лично так понял, что он слышал не обо мне, а о Михаиле Фрейдере, который впервые приезжал в эти места в мае 2001 г. Не заходя назад в зал заседаний, он спускается со мной вниз, заводит машину и везёт до хаты. А там — новая непредвиденность: Снегур уехал в Хмельницкий в архив, об этом поведала нам его жена Людмила Демьяновна. Делать нечего, возвращаемся в райсовет. По дороге говорю, что и в Косогорку хочу съездить и найти Т. Б. Гарбуз «А она тоже на сессии, — отвечает зять Снегура, — я ей скажу, что Вы хотите её видеть». Приехали, он пошёл в зал, оставив меня в коридоре ждать перерыва в заседании.

Итак, сижу в коридоре, жду перерыва в заседании (через закрытую дверь доносятся очень эмоциональные выступления). Перерыв на 15 мин. был объявлен примерно в 12:40. Выходит А. Н. Лис вместе с Т. Б. Гарбуз, знакомит меня с ней и уходит. Татьяна Брониславовна очень приветлива и участлива, но говорит, что я сам должен определиться, где буду ночевать — в Ярмолинцах (А. Н. Лис пригласил дожидаться Снегура и у них заню-

чевать) или в Косогорке. Перерыв быстро закончился и все снова пошли в зал, я остался ждать. Решил пойти куда-то в кафе — съесть украинского борща, согреться. Смотрю — после перерыва спешит в зал Лис, договорились предупредить Т. Б. Гарбуз, чтоб не уезжала без меня, подождала, если разминёмся. Я принял решение — ехать в Косогорку, там заночевать и с утра, пока светло, до обеда быть там, сделать фотографии, потом ехать к Снегуру и вечером от него уехать, тем более, как я понял, будет кому отвезти меня к поезду. Вернулся к 14:00 и ещё час ждал, пока закончится сессия райсовета.

Вышла Т. Б. Гарбуз, я ей сообщил о своём решении и тут она говорит, что у неё сейчас нельзя остановиться, т. к. приехала её дочь с годовалым ребёнком из Хмельницкого, и она занимается с этим ребёнком, помогает дочери. Но у неё, мол, есть на примете семья, где можно остановиться, однако, необходимо перед тем как ехать предупредить и согласовать мой визит. Звонит Марии Михайловне Боднар (просто — Маша, зав. сельской библиотекой), та говорит, должна спросить у мужа. Перезваниваем — получаем добро (как мне сказала Татьяна Брониславовна, Маша ей сказала: «Только для Вас, Т. Б.»)... Ждём на автобусной остановке, мёрзнем... Подходит школьный автобус, загрузились в него. Дети постарше — места нам уступили, чего не скажешь про школьников в других странах, где мне приходилось бывать — сидят, глаза воротят, в мыслях такого нет, чтоб даже еле стоящим на ногах старикам место уступить, правда, за редким исключением. Иногда в таких случаях сам пример подавал или подсказывал.

Доехали и, когда шли от автобуса, по дороге догнал нас на машине муж Маши — Виктор (Виктор Григорьевич Боднар), довёз до своего дома. Т. Б. Гарбуз ушла к себе, сказав, что утром зайдёт за мной. Виктор провёл меня в дом (Маша ещё не пришла) — там всё нормально, мебель, телевизор, компьютер (без интернета, правда), сканер и т. д. Во дворе стоит машина, трактор, бегают два кота, лают две собаки, ходят куры и гуси, домашний скот тоже есть, но закрыт от глаз. Стоят люди на своей земле неплохо. Дом сами построили.

Вскоре пришла Маша, познакомились, и она сразу же принялась хлопотать на кухне. Пока готовили к столу, хозяин натопил (газ) хату, чтоб меня, замёрзшего, согреть, а потом предложил зайти в комнату к своей престарелой матери — Ганне Тимофеев-

не Лизун — в основном лежачей и незрячей, хотя вспомнить ещё кое-что может. Пошли, познакомились. Я решил спросить про дочь Харламба. Вот её короткий рассказ.

Муж Марии (Мани) Харламб, которая погибла, — это двоюродный брат Ганны Тимофеевны — Черний Жорж Милёнович (укр. — Чорній Жорж Мільонович), Милён — дядя Ганны Тимофеевны, матери Виктора Боднара. Сын Мани Харламб и Жоржа — Фелик. Когда пришли немцы, они в сёлах не стояли, тут на них работали местные — полицаи, или шуцманы. Жорж прятал свою семью в погребе — жену И. И. Харламба Соню Харламб, сына Харламба — Ньюму, своего и Марии Харламб сына Фелика. Что же касается Мани Харламб, то она была тогда беременна и потому её прятали не в погребе, а в хате на печи. Вот тут-то её случайно и заметил местный шуцман. Когда он забирал из хаты Марию, её муж Жорж, чтоб откупиться и спасти жену, дал ему золотые предметы (видимо, украшения), а тот и украшения взял и жену забрал. Со слов Ганны Тимофеевны Лизун на кладбище её он и расстрелял.

Этот рассказ в общих чертах совпадает с тем, что мне 13 лет назад, в 1995 году, говорил В. Д. Бойчак.

Сама же Маша Боднар интересуется историей села, потому может стать хорошей помощницей в поисках. Я ей дал несколько заданий — узнать адрес живущей в Хмельницком дочери Ньюмы Харламба, Мальвины, выйти на жену Ньюмы Харламба Клавдию Коваль, живущей в Савинцах, узнать про односельчанина Фишлера, жившего неподалёку (дом сохранился, сейчас никто в нём не живёт). Фишлер работал председателем колхоза, в сельсовете, жена Вера Григорьевна работала учителем в Косогорской школе, дочь Алла живёт в Хмельницком (у неё могут быть старые фото и документы), она иногда наезжает в огород, и др... Сельская библиотека, где Маша заведует, расположена напротив школы в сельском клубе, в этом одноэтажном здании раньше была еврейская школа...

Когда мы за ужином беседовали о наших делах с Машей и Виктором, Маша мне сообщила, что в этом году Косогорку посетили ещё двое потомков из-за рубежа и дала мне их координаты. Это Ави Бортман (Avi Bortman) из США, его родственники по фамилии Гендельман родом из Фрамполя. Второй человек, Дан Паттир (Dan Pattir), из Израиля, фамилия его родственников — Пахтер.

Итак, утром 13.11 Т. Б. Гарбуз пришла за мной около 8 утра, я её уже ждал на улице (кстати, от дома Маши и Виктора видна часть ныне заброшенного дома семьи Бойчак)... Первым делом Гарбуз подвела меня к 2-х этажному дому Гилиса и рассказала, что сейчас в нём школьная столовая. Школа сразу за домом Гилиса. Потом подошли к клубу, что напротив школы, в клубе — сельская библиотека, где работает Маша, а рядом — мемориал погибшим на фронте односельчанам, на нём имена, среди них две еврейские фамилии — Сруль Давидович Нек и Меер Моисеевич Розентель. Рядом справа, поставили небольшой памятник жертвам голодомора — 15 ноября готовили его открытие. После посещения мемориала мне пришла мысль такая — а почему бы, для полноты истории села, слева (или рядом) не поставить памятник односельчанам-евреям, зверски убитым фашистами на ст. Ярмолинцы? Но без помощи практической и материальной в селе это не осилят.

Затем мы направились на старое еврейское кладбище. С дороги пошли напрямую по мокрой траве (роса), ноги даже у нас промокли. Я начал фотографировать, потом Татьяна Брониславовна оставила меня ненадолго — ходила через дорогу на православное кладбище... Заснять всё, конечно, не удалось, лишь малую часть — могилу Харламба видно сразу, она выделяется, поскольку белый камень, рядом его жена — на могиле цветы, положенные внучкой, приезжающей из Хмельницкого. Многие памятники в плохом состоянии: сильно покрылись мхом и пылью. Подумалось, что надо организовать чистку всех надгробий и затем их сфотографировать. Заснял несколько общих видов. Камень с 7 фамилиями заложников, к сожалению, я тогда не нашёл. Потом вернулась Татьяна Брониславовна и мы ушли. На подходе к селу сфотографировался возле указателя «Косогорка» и сделал общий вид на въезде в Косогорку.

Когда входили в село, Татьяна Брониславовна подводит меня к крайней справа (если входить в село) хате и знакомит со стоящим у калитки старейшим жителем Косогорки Комарницким Михаилом Александровичем (1918 г. р.) и его женой Зиной Андреевной (1924 г. р.). Представился, родные, говорю, до войны жили по фамилии Дейчман (так мама после войны писалась, её брат Борис, а другой брат — Иосиф, киевский, помню, то Дейчман, то Дайчман). Они отвечают: «Маня Дайчман!» (это меня особенно

поразило, поскольку именно так стоит во всех наших списках, и в послевоенном фотомонтаже, полученным мамой из Пушкино). Михаил Александрович сказал, что вместе с Маней они в школе учились (она тоже примерно такого же возраста, 1918—1920 г. р.), она была комсомолкой, а он — секретарём комсомольской организации, и, вспомнив один эпизод, начал плакать. Тут я понял, что надо идти в хату, а Т. Б. Гарбуз отпускать на работу, договорились, что приду к ней в сельсовет сам.

Михаил Александрович поведал сначала о себе. Вспомнил, как при немцах в 1941 г. он работал сначала завклубом, потом ездовым в колхозе, тогда это называлось народным хозяйством... Позже, хотели его забрать на работы в Германию, но он не хотел работать на немцев, не пошёл, прятался. И будущую жену, Зину Андреевну, тоже хотели туда отправить, поэтому и ей пришлось прятаться. Он же связался с партизанами, помогал им — давал сведения, распространял листовки. Однажды его арестовали на четверо суток, били, потом выкинули на мороз, его мама пришла, накинула на него платок и кричала на полицаев: «Вы хуже немцев!». Мама его забрала, он продолжал давать сведения партизанам. В 1943 г. взяли на фронт (Западная Украина, Польша, Румыния, Венгрия, Австрия, Чехословакия). Женился в 1943 г.

Далее, Михаил Александрович вспомнил об одной встрече с моей тётёй Маней Дайчман... Но пора уже было уходить. Зина Андреевна предложила меня накормить, я с благодарностью отказался, действительно, время поджимало. Помог одеть Михаилу Александровичу пиджак с орденами-медалями, сделал пару снимков его с супругой во дворе перед хатой...

Пришёл в сельсовет, сделал наскоро фото Татьяны Брониславовны Гарбуз, поблагодарил за всё, попрощался и пошёл к автобусу на Ярмолинцы — впереди была встреча с А. С. Снегуром.

Совсем немного времени оставалось до автобуса, побежал ещё в школу, чтоб заснять старое фото со стенда, висящего в коридоре школы. Висит высоко, мне вынесли из класса (шёл урок) стул, сделал две пробы... Потом копия этой же фотографии была мне предоставлена дочерью В. Д. Бойчака Н. В. Лукьяненко.

... Подошёл автобус и вскоре я оказался в Ярмолинцах. Когда вышел из автобуса, ко мне подошла женщина — это была учительница немецкого языка из Косогорки — она видела, как я фотографировал старое фото со стенда. Тут-то она меня и попро-

сила помочь найти герб и флаг Германии для оформления школьного кабинета немецкого языка. Вскоре я её просьбу выполнил, отослав в Косогорку не только герб и флаг Германии, но и книги об этой стране на немецком языке... После короткого разговора с учительницей отправился напрямик в райсовет, к А. Н. Лису на 3-й этаж... Постучал, захожу — у него был посетитель, но он встал из-за стола, подошёл, поздоровался, и тут же мы пошли вниз к машине.

Когда подъехали — Александр Семенович уже ждал нас на крыльце, поздоровались, я представился, зашли в дом. Говорили об общем, Александр Семёнович посетовал, что он долго ждал вестей от Михаила Фрейдера и не понимал, в чём дело. Я немного его успокоил, сказал, что Михаил о нём не забыл, вскоре напишет письмо и пришлёт ему свою книгу. Обсуждали, также, общие списки погибших... Кстати, об этом. Пока ехали с А. Н. Лисом в машине, он мне сказал, что в семье уговорили Снегура больше этим не заниматься, как я понял, вести поиски погибших, всё равно, никакой благодарности (от властей, видимо). И в самом деле, во время нашей беседы Снегур мне с горечью сказал, что ему присвоили звание «Почётный гражданин Ярмолинцев», только и всего за его многолетние труды. Но... книгу какую-то он всё равно сейчас пишет, видимо, общего характера по этой же военной тематике... Как обычно, пока говорили, готовился обед. Хорошо очень угостили, выпили немного водочки со Снегуром. Ещё по дороге домой Анатолий Николаевич сам заговорил, что хочет мне подарить известную Книгу Скорби Украины по Хмельницкой обл., но сказал, что у Александра Семёновича эти книги тоже есть, может он даст. Снегур же сказал, что таких книг у него только 3 шт. осталось, и он их уже распределил — по одной каждому внуку (2 взрослых внука и маленькая внучка). Тогда Александр Семёнович позвонил зятю, чтоб тот не забыл захватить книгу с работы... Потом речь зашла о Лахтермане. К сожалению, Лахтерман уже умер. Жива жена Лахтермана Клавдия, и ей позвонила жена Снегура, Людмила Демьяновна, пока мы сидели за столом, разговаривали и, видимо, этим ей мешали слушать, что говорила жена Лахтермана. Потом Людмила Демьяновна мне этот разговор пересказала, а я записывал за ней по-украински.

М. Д. Лахтерман родился и жил в селе Лошковцы Дунаевецкого района. Когда началась война, ещё перед немецкой оккупаци-

ей, его отец собирал родственников, чтоб отправить в эвакуацию. Первых пять отправил, но сразу же, по дороге их расстреляли немцы. Отец Лахтермана сам не ехал вначале, т.к. не было ещё одного сына и ещё кого-то из родственников. Отец остался в Лощковцах, пришли немцы, вызвали их и сказали, что они должны ехать в Косогорку, чтоб там снимать золото с тех евреев, которые в Косогорке были закрыты в гетто (в доме). Отец Лахтермана Данило отказался, тогда их всех (отца, сына и родственника) отправили в Косогорку (по другой версии, возможно, отправили, в то же гетто, а потом уже пытались заставить золото с евреев снимать) и в каком-то гаражном помещении всех троих повесили. Обо всём этом возле еврейского кладбища в Косогорке рассказывала одна старенькая бабушка, которая жила возле кладбища, кому-то, кто приезжал из России. Это всё, что удалось узнать.

Пока Людмила Демьяновна Снегур рассказывала, а я записывал, А. С. Снегур приносит и дарит мне Книгу Памяти по Хмельницкой обл., Ярмолинецкий район — т. 10, о погибших на фронте во время боевых действий... Потом пришёл с работы зять Снегура и вручил мне в подарок Книгу Скорби, куда занесены имена гражданского населения Хмельницкой области, тех, кто погиб от рук фашистов в годы Великой Отечественной войны. Надо только благодарить тех людей, которые составили и издали эти книги, они сделали большое дело, хотя, есть много пропусков, требуется переиздание с добавлениями... Принёс мне Лис А.Н. и билет на поезд — сам съездил и купил! Анатолий Николаевич отвёз меня на вокзал и вернулся домой. Так закончилось моё пребывание на родине предков. Рано утром я был уже в Киеве...

Январь 2009

Ещё когда я побывал в Косогорке в семье Маши и Виктора Боднар, речь тогда, как-то само собой, зашла о книгах, поскольку Маша заведует сельской библиотекой. Тогда я и пообещал Маше в силу своих возможностей пополнить сельское собрание книг за счёт своей личной библиотеки. Такая возможность представилась уже в январе 2009 года.

Я подготовил пять коробок с книгами и съездил на один день в Косогорку, чтобы отвезти их в сельскую библиотеку — она совсем небольшая, да и помещение очень маленькое. Виктор встретил меня у вагона в Ярмолинцах, поезд пришёл, как обычно, рано

утром, приехали в село. Маша уже была в библиотеке, поэтому книги завезли сразу туда...

Но в тот короткий приезд была ещё одна важная задача — разыскать семью потомков бывшего директора Фрампольской, позднее Косогорской, школы И. И Харламба... После завтрака сразу же Маша, Виктор и я отправились в Савинцы, где многие годы после войны проживала семья сына Исаака Иосифовича — Ньюмы Харламба, тоже работавшего учителем в Косогорской школе. Первое, о чём мы узнали в Савинцах в одной из хат, что в 2008 году умерла жена Ньюмы Харламба Клавдия Коваль, причём, это случилось вскоре после смерти её сына Алика, а Ньюма Харламб умер намного раньше жены...

Тогда мы продолжили поиски. Поехали в школу, поговорили в учительской, никто особо ничего не знает, но дали координаты как найти телефон дочери Ньюмы Харламба Мальвины Наумовны. По пути заехали ещё к некой Розе Бойчак (состоит в каком-то родстве с Бойчаком из Косогорки) — разговорчивая старушка, комментировала фото со школьного стенда, назвав имена учителей на этой фотографии. Потом поехали к хате, где живёт одна молодая семья, и хозяйка нам сообщила номер мобильного телефона внучки Ньюмы, тоже Мальвины, которая преподаёт в институте в Хмельницком. От неё мы узнали и номер телефона её матери, дочери Ньюмы Харламба — Мальвины Наумовны Брыжатой. Так нам удалось выйти на эту замечательную семью, с которой личное знакомство состоялось довольно скоро, в мае 2009 года. Но об этом другой рассказ.